

№ 3 март 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЬ

СВЕТЛЫЙ ГЕНИЙ ЛЕНИНА ОЗАРЯЕТ ДОРОГУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ТВОРЧЕСКОГО СОЗДАНИЯ

Из Тезисов Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского
Союза «К 100-летию со дня рож-
дения Владимира Ильича Ленина».

ВЕЧНО БУДЕТ ЛЕНИНСКОЕ СЕРДЦЕ КЛОКОТАТЬ У РЕВОЛЮЦИИ В ГРУДИ

Русская история богата великими именами, столь великими, что даже одною из них было бы достаточно, чтобы прозвучать и славу славному народу на земле. Но я осмелюсь назвать одно только имя. Это имя связано на устах и в сердцах сотен миллионов людей. Это — имя Ленина, величайшего народного вождя, стоявшего на вершине мировой истории. Он бесспорно изменил ход развития мира к лучшему. И если сегодня за ним идет половина человечества, то небезлего тот день, когда в силу исторической необходимости за ним победит и вторая половина.

Костас ВАРИЛИС,
общественный деятель

Мир сегодня — это мир революционных преобразований: социальных, научно-технических, культурных, нравственных... От того, по какую сторону идеологических баррикад встанет молодое поколение планеты, во многом зависит, каким окажется будущее человечества.

Год Ленина, тот энтузиазм, с которым мир отмечает юбилей одного из своих самых славных сыновей, убеждают, что, сколь бы сложной ни была борьба за умы молодежи, за переустройство общества, будущее ясно, будущее — коммунизм!

Нарисовать пестрый и во многом противоречивый портрет молодого мира даже в специальном выпуске журнала, естественно, невозможно, но отдельные штрихи этого портрета «Смена» предлагает внимательно читателей.

Я вижу в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости...

Одно несомненно: люди, побывавшие ему, являются примерами и образцами совести человечества.

Альберт ЭЙНШТЕЙН,
ученый

Ленин не только научно доказал возможность построения нового общества, но и создал его. Все предостережения революции только прокатировали. А русский пролетариат под руководством Ленина перуа превратил замес в жизнь...

Роксала КЕНТ,
художник,
лауреат международной
Ленинской премии

«За укрепление мира между народами».

До настоящего времени для торжества идеи мира больше всего сделала Ленин, который не только всеми силами провозглашал мир, но и принимал конкретные меры к его достижению.

Из заветов Норвежской
социал-демократической партии.

Кто из нас, детей Африки, кому удалось прочесть исторический труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капиталистической системы», сможет забыть его великие, пророческие строки? Мы идем к известной цели — сбросить ярмо колониализма и создать силами народа, в интересах народа новую Африку, где не будет места для кулаки эксплуататоров и паразитов. Мы мечтаем о свободе континента Африка будет учиться на героическом опыте наших советских братьев.

Бенжамен МАТНГ,
писатель,
Камерун

Ленин интеллигент умел мыслить, как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трюкачества. Человек, потрясенный всем миром, в чьем сознании бесспорно переориентировалось все, чем жила и дышала этот мир, этот человек сохранил в себе до конца самозатемненную жизнь удивительную способность чистоты и мысли, как иррационального, как инстинктивного-непр. Удивительный анализ, интуитивно ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлург, как парижский текстильщик, как инженер из Новой Зеландии. Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом человека будущего.

Поль ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ.

Ленин — великий учитель пролетарской революции. Он человек слабой высокой морали, который учит нас трудолюбию, экономии, чистоте, правоте.

Вечно бессмертен Ленин.

Если Ленин для пролетариата Запада — образец, лидер, учитель, то для народов Востока он является еще больше близким. Для них он, если можно так выразиться, святая.

ХО ШИ МИН.

Ленин всегда энтузиастом всех народов, и даже когда Ленина не стало, его зовут вернуться к непереносимому злом по всей стране. Имя Ленина стало синонимом России и остается таковым по сей день.

Сардор ХУКАМ СИНГХ,
губернатор штата Раджастан,
Индия.

Жизнь и деятельность В. И. Ленина неотделимы от истории каждой страны, от борьбы народных масс за свои права и лучшее будущее. Ленин любит и почитает все люди с чистым сердцем, все те, кто возмал горячую социальную справедливости и бесприменности и их воли в борьбе крепнет день ото дня, закалялась в горниле тяжкого труда, страдания и преследований. Ленин любит и почитает угнетенные народы, ибо он ощущает для них национальное и социальное освобождение. Ленин живет в душе крестьян-парня, ибо для них он — это надежда получить землю. Ленин живет в мыслях и чувствах миллионов трудящихся, ибо Ленин — это социализм, а она борется за социализм.

Долорес НЕАРРУРИ,
Председатель
Коммунистической партии Испании.

Ленин находится среди нас как учитель и лидер, живой Большой, чем когда бы то ни было. С Службой признавать и утверждать, кроме того, что учение и деятельность его указали путь, по которому история цивилизации, современные человеческие общества следовали и следуют.

Пальмиро ТОЛЬЯТТИ.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

Ленин
и
современность

В жизни Ленина мы видим несокрушимую преданность делу, абсолютную связанность с беспощадностью по отношению ко всем тем, кто становится поперек дороги этому делу. Ради этой преданности и должен бороться с этой беспощадностью. Это мне обмечтается тем, что Ленин уже именовал свое дело собранием и потребностями тысяч людей. Он, следовательно, любил людей не меньше своего дела; поэтому он был велик в своем творчестве... Как мы смотрим на то, что произошло в России, Ленин, отдал свой народ счастливее, и поэтому он сам был счастливее, чем может быть какой-либо деятель в Германии.

Герхард МАЙН,
выситель.

Для меня Ленин прежде всего величайший интеллектуал века. Его жизнь, его труды довершили процесс переоснащения мысли миллионов людей на земле.

И до сих пор используем каждую возможность, каждую минуту для того, чтобы внести разрыв в ряды левостороннего интеллекта, в ряды нашей России. Однако же даже выступал в обществе плавающим и перерыве между мимимики. Ленин сделал меня коммунистом. У Ленина ниц и ответа на вопросы меня вопросы.

Столетний юбилей Владимира Ильича Ленина будет отмечен в мире новым ростом влияния его основополагающих идей. И можно смело сказать, что у Ленина опередила его жизнь.

Джим ЛИНДСЕЙ,
выситель.

Для горных народов Африки Ленин — знамя освобождения черных народов. Ленин первым назвал их людьми, первым поднял голос за их освобождение.

И в хвосты Африки, в стране налече солнца, Ленина знают как своего друга-освободителя.

Они чутко знают, что Ленин — это их знамя, их жажда освобождения.

С. ДАМБЕ,
житель Носамесбура.

...Ленинизм, своей творческой сложностью вымышленый и сгустивший Октябрьскую революцию, дает тактико-методический метод, который отталкивается от разнообразных форм борьбы, но и нельзя безответственно признать любые формы борьбы. Самое главное — это бороться, ночники стратегия и тактика прорыва жидких, быть готовыми в итоге и отходу и всегда иметь такую ситуацию, которая открывает путь к социально-экономической и культурной преобразовательной линии народа.

Робальфо КИНТЕРО,
историк,
профессор
Центрального университета
Венесуэлы.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 3 (1025)
ФЕВРАЛЬ
1970

8

БОЕВОЕ БРАТСТВО.
На вопросы «Смены»
отвечает Маршал
Советского Союза
И. И. ЯКУБОВСКИЙ.

Наша обложка:
пусть вечно горит
огонь дружбы...

Фото
Василия МИШИНА

2

ПРАВДА И ЛОЖЬ.
Молодое поколение разных
континентов на идеологических
баррикадах.

16

ГНЕВ И БОЛЬ ВЬЕТНАМА.
Героический народ
отстаивает
свою свободу.

БИТЛЫ И БИПЛОМАНИЯ.

28
Идолы
и жертвы
поп-
искусства.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ —
ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ НА ДАЛЬЗАВОДЕ

ИНТЕРВЬЮ С МИНИСТРОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ОБОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ: КИЖИ ЗИМОЙ

АВТОМАТЫ ИССЛЕДУЮТ ЛУННЫЙ ОБЛИК
МАРСА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин,
Р. Ю. Казаков, А. П. Купешов, А. С. Павлов, А. А. Лиганов (ответ-
ственный секретарь), В. В. Пущев (заместитель главного редактора),
Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов (главный
художник)

Художник О. Теслер

Технический редактор Н. Будкина

ПРАВДА И ЛОЖЬ

**В БОРЬБЕ
ЗА СВОИ
ПРАВА, ПРОТИВ
ВОЙН,
ПРОТИВ ВЛАСТИ
МОНОПОЛИИ
ПОСТИГАЕТ
МОЛОДЕЖЬ
В СТРАНАХ
КАПИТАЛА
ЖИЗНЕННУЮ
ПРАВДУ,
ПРАВДУ,
КОТОРАЯ
ЗОВЕТ ВПЕРЕД,
К ЛУЧШЕМУ
НЕЛЕГКО
ДАЕТСЯ
МОЛОДОМУ
ПОКОЛЕНИЮ
ЭТА
ЖИЗНЕННАЯ
ПРАВДА.
ГИГАНСКАЯ
МАШИНА
БУРЖУАЗНОЙ
ПРОПАГАНДЫ,
СЛУЖАЩАЯ
ИНТЕРЕСАМ
БОЛЬШОГО
БИЗНЕСА,
ПЫТАЕТСЯ
СБИТЬ
МОЛОДЕЖЬ
С ПРАВИЛЬНОГО
ПУТИ, УВЕСТИ
В СТОРОНУ
ОТ БОРЬБЫ,
ЛИШИТЬ ЯСНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ,
СТОЛКНУТЬ
В ОМУТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
МЕЩАНСТВА.**

ДЗИММУ ВЕРХОМ НА КОНЕ

...Император Дзимму предстал перед жителями города Касивара верхом на белом коне, в том самом одесном и доспехах, в которых он, как гласит легенда, вступил там на престол в 660 году до нашей эры. Держа в руке булаву, увенчанную пшцей с распростертыми крыльями, он медленно ехал во главе воинов древнего племени ямато.

Можно было подумать, что это оживший памятник. Но когда Дзимму к тому же заговорил, горожанам было еще труднее поверить собственным ушам, чем глазам.

Мифический правитель выразил радость, что дата его восшествия на престол отныне вновь будет ежегодно отмечаться как «день основания государства».

— Это, — изрек он, — знаменательное событие, которое, надеюсь, откроет путь пробуждения национального духа в Японии. С демократичной целью на паду не подей. Я считаю, что страной должен править император. Надо пересмотреть его полномочия, отменить antiquated конституцию. Я за то, чтобы у нас была армия как армия, за то, чтобы молодежь воспитывалась в духе долга».

Все описанное выше — отнюдь не литературный прием, не вымысел фельетониста. Все это произошло накануне 11 февраля 1967 года. Роль Дзимму исполнил бывший полковник императорской армии Сабуро Исинава — нынешний мэр города Касивара, десигнованный для амплорна мей, чтобы обрядить служащих муниципали-

тета в древние доспехи племени ямато.

Пока мэр, загримированный под Дзимму, излагал свое политическое credo перед толпой, в которой живописно выделялись военные мушкетеры более поздних эпох (один старик явился в полной парадной форме и при орденех армейского русско-японской войны), восприятие в духе бусидо по соседству демонстрировалось на практике. Выкрикивая ультраправых террористических организаций на шествиихатри грузавых подвешали к зданию, где шел рабочий митинг против «Дня основания государства», и учили там драку.

В столице сочли равные мера города Касивара чрезмерными. Еще бы! Ведь он не столько устроил маскарад, сколько сорвал маску с нового праздника, из-за которого в политической жизни Японии почти десять лет бужевали страсти.

На первый взгляд можно показаться странным, что тема ожесточенных столкновений между прогрессивными и консервативными силами касалась области преданий и мифов, даты, отстоящей от современности более чем на 26 веков. Тем не менее это так. Демократическая общественность в течение целого десятилетия упорно сопротивлялась попыткам объявить государственным праздником день восшествия на престол мифического императора Дзимму и считать 11 февраля 660 году до нашей эры датой основания японского государства.

Дело не только в том, что замаскированный из легенд факт лишен научной основы. Праздник, отмечаемый

ся вплоть до капитуляции Японии под именем Кигенсэцу, оставил о себе недобрую память.

«Вплоть до конца войны», — писала газета «Йомиури», — японские детки учили не историческим фактам, а мифам. Их учили, что Япония — священная земля, управляемая непререваемой династией потомков Дзимму. Их заставляли заучивать девиз Дзимму: «Восемь углов имра под одной крышей». Идея, заложенная в том девизе, как и сам праздник основания государства [Кигенсэцу], составляла духовную основу агрессивной, империалистической, воинствующей, ультра националистической Японии».

Народу внушали, что божественное предназначение Страны восходящего солнца — собрать восемь углов имра под одной крышей. Именно там был назван 37-метровый каменный монумент, воздвигнутый на юге Японии в 1940 году, когда шумно отмечалось 2600-летие восшествия Дзимму на престол.

Солдаты уходат на войну. Тот, кто шагает во главе колонны, вместо винтовки несет на плече двухметровую деревянную ложку, исписанную иероглифами. Это увеличенная до гигантских размеров самодвижущаяся круглая лопаточка, какимм в японских семьях раскладывают рис из котла в миски. Подарить большую самодвижущуюся лопаточку — значит выразить пожелание: гребки добычи лопатой. С таким напутствием провожали воиска.

А вот астрона. Тот же строй, та же походная форма, только без винтовки. Бережно, словно только что полученную награду, каждый прижи-

В последние годы молодое поколение Запада очень часто критикуют со страниц газет и журналов, с высоких пропагандистских трибун, в отчетах полиции, в официальных правительственных кругах. Его обвиняют во всех смертных грехах. Один — в анархизме и вандализме, другое, наоборот, — в апатии и скептицизме, третье — в аполитичности, четвертое — в безразличности.

И если кому-нибудь из потомков взбрело бы в голову посадить нынешнее молодое поколение Запада на самую подсушиваемую, то книга западногерманского публициста Гельмута Лампрехта «Подорожия и менеджеры», вышедшая в американском издательстве «Рютен унд Леннинг», была бы блестящим пособием для адвокатского выступления. Ее автор считает, что молодежь не заслуживает суда общества. Она не виновата в том, что такой выросла, так как слишком могущественны те социальные силы, перед которыми она беззащитна.

От какимм же «социальных» сил защищает Гельмут Лампрехт своих молодых современников! В его терминологии — от «промышленников всех видов, командующих потреблением». Это владельцы домов моды и фирм, производящих пластинки, одежуду, издатели книг для юношества, кинодепы, владельцы игровых домов, ресторанов, музыкальных автоматов — одним словом, все те, кого автор книги относит к «промышленности моды и мануфактур развлечения». Называя, каков смысл Гельмуту Лампрехту, типичному буржуа, выступать в данном случае в роли адвоката, метать громы и молнии в представителя своего же класса, исповедующий такую же, как и он сам,

По поводу книги Гельмута Лампрехта «Подорожия и менеджеры»

«ЭКОНОМИКА»

Владимир
ЧЕРВЯКОВ

Токийские студенты, протестующие против японо-американского военного дозора, не наступят перед полицией...

идеологию. По логике, он должен был протануть им руку солидарности хотя бы за то, что они стремятся целесообразно заполнить свободное время своих юных потребителей. Но Лампрехт этого не делает. У него своя логика, проследить за которой представляется избыточным.

Начнем с того, что слово «ЦЕЛЕСООБРАЗНО» он берет в кавычки. По его мнению, все, что продвигается всевозможными отраслями индустрии различного рода общественными и частными организациями, спортивными союзами, публицистическими изданиями, СООБРАЗУЕТСЯ не столько с интересами ищущих людей и общества (ищите в виду, естественно, буржуазного), сколько с немалой частью наживы их владельцев. Вот цифры и факты, которые Лампрехт приводит в доказательство.

Как утверждает статистик, четверть всех карманных денег молодых людей течет в карманы фабрикантов промышленности моды (общество по исследованию конъюнктуры в Нюрнберге привело такую цифру: девушки в возрасте от 14 до 27 лет более 90 процентов своих карманных денег тратят на покупку одежды и косметики).

Тем обстоятельством, что уходит в прошлое общач, по которому дочь донашивала платье своей матери, промышленники моды не замедлили воспользоваться. Вещью все выглядит благоприятно. Взять хотя бы вечерки, проводимые

многими крупными домами моды в Западной Германии. Прежде рассылались анкет (юношам — голубой бумагой, девушкам — на розовой):

«Как очень интересует ваше мнение! Мы охотно учтем ваше пожелание... Большое спасибо за ваше участие!»

После такого набора убедительных выражений голова действительно поядет кругом, ведь и разговаривают с тобой совсем как со взрослым. За какою же услугой фабрика благодарит заранее! Что от тебя требуется? Смак малости всего лишь — подчеркнуть в анкете то, что тебе нравится.

«Как вы себе представляете зимнее пальто в будущем? Синего цвета? Зеленого? Черного? Божьево! Пестрое! С мехом! Без меховой отдели!»

За какую цену вы собираетесь приобрести его! До 100 марок! До 130! До 160!

Какие из трех платя — Колин, Диян, Флирт — вам понравилась больше всего!

Фабрика не останется в долгу...

Оказывается, если подчеркнута тобой наберет наибольшее число голосов, ты будешь участвовать в розыгрыше призов, коими являются образцы одежды, выгусасные фабрики. Ну как не пойти на такую встречу!

Одним словом, если разные товары выбрасываются на рынок и так рекламируются, то теперь наступают наоборот: сначала создают спрос, а за-

тем его удовлетворяют. И, видимо, в этом ничего не было бы противозастенного, если бы за внешней благоприятностью не щарил дух двоячества и спекуляции. Как замечает Лампрехт, деловые реалы в действительности интересуют только деньги, а не то, чтобы молодежь была красиво одета.

Что же касается остальных трех четвертей карманных денег молодых людей, то это уже сфера индустрии развлечения. Диапазон ее необычайно широк: морские дома, рестораны, музыкальные автоматы, журналы и книги, всевозможные клубы... Одним словом, учитывается, что молодежь при современной структуре семьи и общества не имеет укзды в должном кругу. Алгоритмы девочек настолько разрастаются, что они глотают карманные деньги молодых людей буквально круглосуточно. Недавно они добились отмены ограничений для восемнадцатилетних (в ФРГ они не считаются совершеннолетними) в игорных домах и ресторанах: раньше молодым людям такого возраста разрешалось быть в этих заведениях лишь до 10 часов вечера.

О масштабах сферы индустрии развлечения можно судить хотя бы по производству грампластинок для молодежи. Фирмы, производящие пластины, сбывают молодым людям ежегодно примерно 58 миллионов штук, что составляет 60 процентов всей продукции. По данным одного из

мает к груди аккуртатный белый щечек. Колонна награжденных! Нет, это возвращаются долой остатки тех, кто погиб на закорских фронтах. Три миллиона ури, обгнутых белым траурным крестом,— вот трофей, который принесла японскому народу война.

Оба эти символа — в альбоме «История Японии в войне». Сборник ценен тем, что целиком состоит из документальных фотографий, которые в свое время были изданы военной цензурой.

За шовинистический устр, за алчные планы господства над Азией пришлось расплачиваться дорогой ценой. Война, начавшая на азиатском континенте и тихоокеанских просторах, приблизилась к берегам самой Японии.

Пришлось замешивать со странной историей соседних империй. Делать ставку на пилотов-смертников, назвав их «самураями» (что значит «божественный ветер»), в надежде, что они, подобно трагическим героям флот Хубилая в XIII веке, избавят страну от угрозы вторжения.

Подобные же оружием были и управленные человеком торпеды. Их назвали «кайзери», что значит «повелитель судьбы», когда ход войны уже явно оборачивался для Японии поражением. Так от культа Дзимму с его девизом «успеть воевать» перешли к культу «райской» военицизма довела страну до культа самоубийств.

ВОСРЕЩЕНИЕ БОГОВ

Послевоенному поколению свойственно задаваться вопросами: каково же место Японии в послевоенном мире? Какова ее новая роль? На эти естественные раздумья кто-то пытался спекулировать. Молодежь вбивает в головы, будто Япония все еще обрела положения великой державы из-за отсутствия некоего «национального вакуума». Дескать, выкорчеваны из умов милитаризм и шовинизм, но ничего другого взамен не вложили. Вот и возникла «духовная пустота», помеха национальному самосознанию.

Здоровое чувство национальной гордости расцветает на почве доброжелательства и уважения к другим народам. Но у тех, кто кричит об «национальном вакууме», на уме другое. Идет переройка школьных программ, которую прогрессивная часть метод. охариентризовала как «воскрешение богов».

Едва восстановили в календаре «День основания государства», как мифический император Дзимму вновь вернулся на страницы учебников. Профессор Сабури Иенага, автор книги «Новая история Японии» для старшесеклассиков, демонстративно подал в суд на министерство просвещения за то, что оно висит в текст все новые и новые поправки. Суть их — постепенный отход от ценит

ливающей войны как преступного акта со стороны тогдашних правителей Японии, милитаристской клики.

Урезано описание трагедии Хиросимы и Нагасаки, ным стало разосечение девтой статьи послевоенной Конституции. Раньше о ней говорили:

«Японская конституция выражает стремление народа к миру. Она провозглашает, что Япония наменно отказывается от войны как средства решения международных споров и не будет создавать какие-либо вооруженные силы».

Вместо этого теперь в учебнике написано лишь следующее:

«Конституция гласит, что, желая всеобщего мира, Япония не будет вест войны, приносящей народу несчастья».

Перестройка школьных программ сопровождается яростным нападкам на Всеяпонский профсоюз учителей.

Все шестьсот тысяч.

Это они, верны или — «Никтоиско».

Где только не услышишь в Японии эти песни! Но товарищеской ишурке и на массовом митинге ее поют сток, взирая за руки и расчиная в такт. И всякий раз, когда звучит учительской гимн, до глубины души мутуеваются: какая это могучая об-

щественная сила — шестьсот тысяч наставников молодежи, объединенных илвляю: «Иногда больше не пошел наших учеников на поле боя».

Именно под таким давлением родилась после войны Всеяпонский профсоюз учителей («Никтоиско»). Люди, воспитавшие поколение пилотов-смертников, с болью осознали трагизм своей причастности к превращению школы в слепое орудие милитаристских сил, которые довели страну до национальной катастрофы.

После капитуляции устон старшей школы по требованию союзных держав были разрушены, а учителям была предоставлена свобода политической деятельности. Когда несколько лет спустя, с началом войны в Корее, американские оккупанты сбросили наемников демократизации Японии и открыто взяли реакционный курс в народном просвещении, мы уже противостояла мощная организованная сила в лице Всеяпонского профсоюза учителей.

Говорит о «божественном предназначении» Страны восходящего солнца сейчас никто не говорит. Но все чаще стали заводить речь, что Япония надлежит стать третьим столпом свободного мира: наряду с США и их натовскими союзниками в Европе. Что же глумля бы стране подобная роль? Быть мостом для прогнивших реакционных режимов в Азии! Неужели южновьетнамские ма-

опросов, проведенных в Мюнхене, молодежь положив карманных денег тратит на музыку...

Но возникает вопрос: Раз уж интерес к музыке считается тогда-нибудь пороком! Почему же Лампрехт, приводя в книге эти цифры, не радуется! «Когда читаешь сотни записок, поступающих ежедневно на радиостанции, видишь они,— то для самой залудной оптимисту становится яснее, как много упущено нами в области воспитания молодежи. Лампрехт вынужден сделать такой грустный вывод, анализируя направленность интереса к музыке. Не во всякой музыке таится молодость. Снизывается, из каждых 100 проданных пластинок на 88 записки либо пошленные песенки, не дающие ничего ни уму, ни сердцу, либо музыки, способная вызвать у человека лишь нервный шок».

Автора книги беспокоит, что прибыли менеджеры оплачиваются ценой политической зрелости молодого поколения, что мир бизнеса радн пришли с помощью рекламы подвизнивает все под один шаблон, выпрабывая слепым так называемый синтетический тип молодого человека, не только одианное одевается, но и одианково думает и мечтает оном.

В том бесплодность денежн в, ничего противостоитвенного нат. Любого частного гражданина, патриота, которому небезразличны судьбы страны, подобное не может не волновать. Надо, наконец, огорчиться. Автора книги это волнует прежде всего как не потерявшего здравый рассудок буржуа. Его забота — здоровье, конечно, своего, буржуазного общества. Он и не скрывает своих антипатии к миру социализма и коммунистическим идеям. С помощью социалистическим идеям [а что остается делать! Лампрехт констатирует: «... в коммунистической Средней Германии [так он именует Германскую Демократическую Республику.— В. Ч.] подрастает молодежь, которую последовательно готовят к выполнению в будущем политических задач».

В том, что в Германской Демократической Республике, в других социалистических странах растет поколение идично убежденных, преданных идеалам коммунизма молодых людей. Лампрехт и то, чье мнение в данном случае он выражает, видит опасность своему обществу, ибо политическая петарда большой части молодежи, вливающаяся в значительной степени слепотным воздействием потребительной идеологии, по их мнению,

От западногерманские юноши скандируют: «Неонацистов — на виселицу!»

МАМ ПРОСВЕДИТЕ

рометон или южнокорейская клика и есть олицетворение того «свободного мира», который Япония должна поддержать, дабы обрести «национальную цель»!

В сознании нации произошел глубокий сдвиг. Нельзя его недооценивать, но было бы неверно и переоценивать его. Дерево милитаризма срублено, но не все его корни вырваны до конца.

Есть силы, которые стремятся возродить фанатический ореол вокруг слов «камикадзе» и «кайтэн». На эту тему выпускают книги, снимаются кинофильмы.

В военном училище близ Хиросимы открыт монумент, на котором написаны имена 2 624 смертников, взорвавшихся вместе со своим самолетом или им торпедами.

Как знать, может быть, монументы с именами смертников сослужат службу. Пусть смотрят на них молодое поколение, поднимающееся по боевым годам, поколение, которое кое-что мысленно примеряет военной мудрости.

Трудно придумать более наглядное выражение мысли, к которой приходит поколение, когда задумается, подумавшись над судьбой своей родины, над проблемами войны и мира: путь милитаризма и ревизионизма ведет к гибели. Это можно и можно лишь путь национального самоуничтожения.

Фото Генриха БОРОВИКА

Маршем против смерти окрестила мировой пресса нескончаемый поток демонстрантов, влившихся 12 ноября в улицы американских столиц. Более четверти миллиона людей стеклись в этот день в Вашингтон из окрестных городов и ферм, чтобы решительно продемонстрировать перед Белым домом: «Мы против преступной войны во Вьетнаме». Сотни тысяч манифестантов, прошедших в последние месяцы по улицам американских горо-

дов, не оставляют и тени сомнения в настроении общественности США. Американский министр юстиции Митчелл тщется оставаться на высоте своего служебного положения. Его тон угрожающ. Меры по обеспечению безопасности и «порядка» во время манифестаций дады по заключению некоторых должностных лиц носят слишком провокационный характер. Многократность демонстрантов не «обескураживает» министра и его помощников. Они продолжают твердить: «Большинство американ-

но не сна, а слабость буржуазного общества. Эта идеология представляется Лампрету выражением «исключительно обусловленной политической спелости».

Было время, когда новый тип человека, свободный от принципов, идей и идеологий, от принуждения со стороны законов общества и политической партии, представлял собой буржуазный идеологический, объявлялся эталон, эталоном общества. Но, как видно, и книга «Подорожия и менеджеры» — убедительное тому подтверждение, многие из них обанкротили, что следовать примеру «являть в обществе и быть свободным от общества» отнюдь не в интересах буржуазии. «У нас охотно завывают...» пишет ее автор, — что молодежи в западных демократических странах в отличие от молодежи государства восточного блока не позволяют командовать собой в политическом отношении. При этом, однако, забывают, что обработка значительной части молодежи психотехническими средствами продукции промышленности различиями является очень взаимным средством политики.

Как видно, Лампрет говорит о подобных заявлениях несильно иронично. Он против такой доктрины. Он опасается и числу тех, кто считает, что молодежи надо командовать, но не так, как это делают «промышленники всех видов».

Парадоксально, но факт... Лампрет, который сам не прельщается наличием свобод в западноамериканском государстве, ядуго обрушивается на редактора молодежного журнала «Штар-Интимитетен» Петра Палмера, посмевшего в одном из своих статей обратиться: «Самое прогрессивное и честное, что дает наш свободный общественный строй... это свобода говорить и писать».

Вроде Лампрет должен был его похвалять: ведь тут громко провозгласят себя «защитником демократии» в Западной Германии. Но нет. Лампрет здесь категоричен. И довод у него, конечно, с точки зрения его мировоззрения, веский: «Что же бы (яко есть молодежь ГДР... В. Ч.), такой политической молодежи, противопоставить молодежи, являющейся идеологией, идеологией на достоянии социализма, идеологией идеологией».

В книге «Подорожия и менеджеры» не содержится каких-либо конкретных предположений. Автор обращает свои взоры к своей молодежи, только лишь в изысканиях. «Одно дело...» — пишет он, — когда потребитель — безвольная жерт-

ва. Другое — когда он проявляет критическое сознание».

Призыв к выработке «критического сознания» отнюдь не бескорыстен. В британской прессе Запада, и в частности ФРГ, в последние время усиленно подчеркивается мысль, что вовлечение молодежи в сферу политической жизни могло бы быть более прочным исток, перебоисненным от государства и политических партий — имеется в виду, естественно, буржуазных — а мир молодежи.

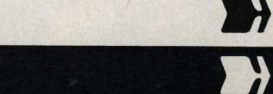
Есть много обстоятельств, которые заставляют политических деятелей обращать сегодня к молодежи свои взоры. Хотелось подчеркнуть одно: послевоенное поколение уже пошло к избирательным урнам [в большинстве капиталистических стран начинают голосовать в 21—22 года]. Через год-два в избирательных списках появятся миллионы новых имен. Гельмуту Лампрету и тем, чье мнение он в данном случае выражает, безразлично, кому будут отдавать свои голоса эти миллионы. Отсюда и те акции, которые предпринимает буржуазные политики.

Что касается перспектив завоевать на эту сторону молодежи, то они по крайней мере туманны. Красивые фразы [в книге «Подорожия и менеджеры» ничего, кроме них, по этому поводу нет] ничем не помогают.

Идеологи буржуазных политических партий не могут сегодня дать молодежи научного и правдивого объяснение пороков современного буржуазного общества, всех его язв, безразличия, экономического, социального и национального неравенства, упадка буржуазной культуры, роста преступности и т. д.

Потому молодые люди, к которым обращен призыв «одуматься, открыть шире глаза, ведут себя не так, как хотелось бы Гельмуту Лампрету и тем, с кем он. Стоит ныне молодежи «глубже взглянуть на мир», как социальные действительности и сфера политической жизни приводят их в ряды не сторонников, а оппозиционеров правительств. Молодежь оказывается по разную сторону баррикад с буржуазными политиками.

Ворва за молодежь, не учитая ни на один день. И выход книги Гельмуту Лампрета — это лишняя повод отметить, что буржуазные политики не сидят сложа руки, а предпринимая яростные попытки завлечь молодежь на то, чтобы командовать молодежью.

КОЖЕ ДИВЕРСА БОДА

Семен ЧЕРТОК

Знаменитый испанский роли Джеймса Бонда английский актер Шон О'Коннор разговаривал со мной в холостом и гриме. Ролью Амуссеня в кабинете, построенном на «Мосфильме» для съемок картины «Красная палатка».

— Я прошу вас заметить, что эта роль самая замечательная и важная во всей моей актерской карьере. Амуссеня называли рыцарем XX века. Его характер трудно найти в описании от времени, когда он действовал. Первая треть нашего столетия — эпоха открытий и подвигов Нансов, Амуссен, Англинстон, Нобеле, советские подводники и летчики... Они утверждали власть человека над природой. Из наших современников по силе духа их можно сравнить с Юрием Гагариным. Но между нами огромная разница. Большинство из них — одиночки, действовавшие на свой страх и риск. Эпоха таких одиночек кончена. Наступила эра открытий в космосе. Характер этих одиночек испытывался в космосе. Такой и Амуссен — романтик,

На земле вашингтонских скверов расположились лагера участников похода.

На груди у демонстрантов — имена погибших во Вьетнаме.

рицера, герой, человек, открывший Южный полюс и первым переметавший Северный. В жизни он был одиноким, немного эгоцентричным, но всегда справедливым и человечным. Эти его черты привлекают меня как актера. А когда я узнал, что фильм ставит Михаил Калозовов, известный всему миру по картине «Летит журавль», когда мне показали отснятый материал, когда, наконец, я узнал, что благодаря этому фильму поеду в Советский Союз, я отбросил от всех других дел и предложений. И не разочаровался.

...Накануне я вместе с М. К. Калозововым встретил на Шереметьевском аэродроме Шона О'Коннора.

— Только не спрашивайте его о Джеймсе Бонде, — предупредила Михаил Константинович, — об этом персонаже Бонде не скажет ни слова.

А еще через десять минут я увидел высокого, сухощавого англичанина лет сорока, которого вывели для съемки волосы и брови делами намного старше своих лет. О'Коннора тридцать девять, в Амударью в последний год его жизни было выдвигать несть.

Пока оформлял документы, я искал в Шоне О'Коннори то, что заставляло продюсеров и режиссеров прийти в нем Джеймса Бонда, как он описан в ошеломительных романах и многочисленных рассказах Яна Флеминга. И как не без юмора рассказывал о нем журнал «Стемфорд»: «Имя — Джеймс Флеминг — Бонд, Рост — 1 м 10 см. Вес — 70 кг. Цвет лица — загорелый. Аоб — большой.

Волосы — черные. Глаза — темные. Брови — длинные. Ноздри — чувственные. Рот — большой. Губы — жесткие. Особые приметы: изысканно элегантен, курит дорогие сигареты, неутомимый искатель приключений и замысловатых интриг, вооружен автоматическим пистолетом «Беретта» калибр 6,35 мм, который разбирается и укладывается в бумажничко, под правой рукой всегда стелет, носки ботинок укреплены стальными вставками для драк, изумительный стрелок, без промаха попадает в противника, бросая нож с большого расстояния. Да, что-то, конечно, есть: смуглый, тонкие губы, длинный нос. Но восточная безжалостность? Нет, открытое, симпатичное лицо, простота манер, серьезность. Не верю, что это он каждые пять минут экранного времени убивал людей, о которых «жалеть было бы непрофессионально».

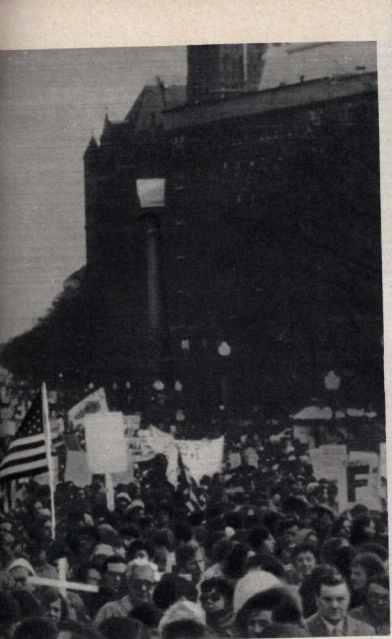
Но постановщик первых фильмов по романам Флеминга Теренс Янг отмечал: «Джеймс Бонд — ужасно чистый тип. Это садист, который хладнокровно уничтожает своих безоружных противников... Поведение Бонда — это поведение фангиста, образованного гитлеровца из говорворезов СС. Я никогда не видел, чтобы он читал, ходил в театры или кино. И не сомневался, что он просто умственно дефективен. Его настоящие противники — люди другого цвета кожи или коммунисты, таким образом, он ко всему прочему расист да еще антикоммунист... Думаю, что существует лишь один человек на свете, который, будь он в живых, нашел бы для себя интересным и полезным общение с Бон-

дом. Человеком этот — Ницше. Нет сомнения, что Бонд и Ницше стали бы единомышленниками».

Да нужно ли так много о таком отрицательном типе? Приходится. Сашков догадал эти фигуры привлекать изображение западного зрителя. В английском журнале «Филм энд Фламинг» рассказывается, что с помощью Джеймса Бонда несколько лет назад можно было продать любой товар: пистолет — «Джеймс Бонд», чемодан — «Джеймс Бонд», вода — 007, пижама — 007, а детская пижама — 003.5. Тараж романов Флеминга исчисляется десятками миллионов экземпляров. Фильмы о Джеймсе Бонде не выискивают зрители на западном кинорынке и обогащают продюсеров Гарри Заммачана и Альберта Брокмана. Образ этого героя или, по выражению кинокритика М. Туровской, эрастеров, создал актер Шон О'Коннори. Ну как не всматриваться!

...Я все-таки решился спросить Шона О'Коннори о его наущившем герое. Он стал говорить о нем то с озабоченным, то с горечью, то скороговоркой, то пространно, то нехоту, то увлекшись. Если водвести итог, его отношение к Бонду сводится к четырем тезисам: 1. Бонд — типичный англичанин. 2. Бонд весьма привлекателен. 3. Я многим обязан Бонду. 4. Он выдал мне...

— Последнее негод, лет, работая все время в Англии, — сказала Коннори, — я играл любых персонажей, кроме современных англичан. Играл в пьесах Шекспира, Пармидано, в «Еврипиде», «Салемских ведьмах», играл Александра Македонского и вышедших американцев. Джеймс Бонд носит в себе

Смерть и звездно-полосатый флаг — символы грязной войны.

Поэт Пат Сизер: «Дайте миру шанс...»

ского народа поддерживает американского президента».

И такой оппозиции не могут присоединиться более здравомыслящие наблюдатели, даже из числа тех, кто работает в таких печально известных «Нью-Йорк таймс», который никак нельзя заподозрить в оппозиции правительственной политике. Обозреватель этой газеты Тед Уинер, раскритиковавший асоциальную мощь и серьезности новбрьской манифестации, пишет: «Вряд ли кто-либо верит, что ему удалось бы собрать примерно 250 тысяч человек где-либо в нашей стране, чтобы организовать поход в поддержку Ричарда Никсона и нынешних теплов его мифотворчества». «Движение протеста», — продолжает Уинер, — это серьезное, осязаемое, не случайное явление в американской политической жизни».

Разумеется, не все участники антиправительственного движения в США до конца последовательны в своем осуждении вьетнамской авантюры, но не подлежит никакому сомнению тот факт, что большинство американцев — представителей самых различных слоев, выступают против войны во Вьетнаме. Вот еще один свидетельский рассказ. Сандельство источника, к мнению которого американец привык прислушиваться. Согласно данным опроса института Джорджа Галлопа, 53 процента американцев заявили, что они отнесут себя и противникам войны во Вьетнаме.

Голос негодующей Америки становится все громче. Марши, демонстрации, петиции, конференции сторонников немедленного и безоговорочного прекращения агрессии во Вьетнаме стали повседневным явлением и сегодняшних Соединенных Штатов. Движение протеста обретает такую силу, не считаться с которой становится все труднее. Не повременит и сегодняшний Конгресс США. Движение протеста обретает такую силу, не считаться с которой становится все труднее. Не повременит и сегодняшний Конгресс США. Движение протеста обретает такую силу, не считаться с которой становится все труднее. Не повременит и сегодняшний Конгресс США.

черты английского национального характера. Как бы я к нему ни относился с профессиональной стороны, и долами тем, как работал в этих фильмах, и прежде всего доволен тем, что Бонд — типичный англичанин. Эту задачу я решил...»

По пункту второму Кононри был краток:

«В книгах Флеминга все было серьезно, и это плохо. В первом же фильме о Бонде я внес в этот персонаж юмор. Тогда я не ожидал, что этот клубок будет разматываться так долго, и думаю, что дело как раз в том, что я внес в фильм сатиру, бунтарство. В том, что Бонда нельзя принимать всерьез, моя заслуга».

Третий тезис Кононри объясняет очень определенно и по-своему логично:

«Согласился, я много обязан Бонду. С моей стороны было бы непорочным забыть об этом. Если бы не он, разве получила бы я приглашение в лучший свой фильм — «Холмст» Одинокого имени оказалось достоинство, чтобы американская режиссер Сидней Армел получила щедрый кредит от английских продюсеров».

«Эта картина получила приз за лучший сценарий на Каннском фестивале 1965 года. Достижение произошло в одном из английских дисциplinарных лагерей, расположенных в Африке. Заключенный в нем подвергается физическому и нравственному подавлению и даже уничтожению — почти во главе которых стоит герой Шона О'Коннори, и борющимися — солдатами и садистами — идет настоянная борьба за человеческое достоинство,

против произвола и унижения людей. Игра Шона О'Коннори исполнена драматизма и достигает в некоторых сценах трагических высот. Это роль артист считает своим самым большим достижением в кино. А о Джиме Бонде он говорит так:

«Мне очень не нравится мой герой, типичный элементарной человечности. Все в нем рассчитано, он безжалостен, вокруг себя создает атмосферу полурасслабленного притупления только потому, что это дает ему возможность постоянно нажимать на курок своего пистолета. Зачастую, играя Бонда, и испытываю дурноту от необходимости все время думать, чтобы быть колым терпаты». Эти слова имеют непосредственное отношение к последнему тезису исповеди актера. Да, Кононри стал жертвой этого персонажа».

Мне Кононри сказал:

— Вы поседели, с кем я говорю о Бонде. Его больше нет — он умер. Во всяком случае, для меня. И хватит говорить о поклонниках...

...Каждая эпоха рождает своих героев. Они выигрывают в битвах времени. Шестидесятым годам поразили в западном кино антигероя — Джеймса Бонда, идеальное воплощение культуры революционной, ножа и кулака. Фильмы о Бонде еще продолжают сниматься и в наши дни. Считается, служба во время войны агента 007 играет выходящий из Австралии Джордж Лэдзби. Но нуля уже не будет: времена меняются, слава Джеймса Бонда меркнет, и первым от Бонды уходит один из его создателей, артист Шон О'Коннори.

★
25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ
9
МАЯ
1945

«БОЕВОЕ БРАТСТВО» —
ТАК НАЗЫВАЕТСЯ
СЕРИЯ МАТЕРИАЛОВ О ВОЕННОМ
СОДРУЖЕСТВЕ АРИЙСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН,
РОДИВШЕМСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОБЕДЫ
НАД ГИТЛЕРОВСКИМ ФАШИЗМОМ.

На вопросы «СМЕНЫ» отвечает дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич ЯКУБОВИЧ — первый заместитель Министра обороны СССР, Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского Договора.

★ ★

Волею понятий стремление и желание читателей «Смены» побольше узнать о Советских Вооруженных Силах, об армиях стран — участниц Варшавского Договора, о войсках, выполняющих свой ответственный патриотический и интернациональный долг по охране мирного, созидательного труда народов социалистических государств.

Значительная часть молодых читателей журнала готовится к службе в рядах Советской Армии. Заверя, приняв боевую эстафету от старших товарищей, они вернутся к работ защитников нашей Родины. Воины-патриоты, воины-интернационалисты достойно продолжают дело, начатое солдатами Великого Октября, овеянное подвигами героев гражданской и Великой Отечественной войн.

Отвечая на поставленные вопросы, я искренне рад возможности помочь читателям «Смены» познакомиться с некоторыми сторонами жизни Советской Армии и вооруженных государств — участников Варшавского Договора.

● Когда, как и для чего были созданы Объединенные Вооруженные Силы европейских социалистических стран? Каков род и вид войск составляют эти силы?

— Объединенные Вооруженные Силы европейских социалистических государств созданы на основе Варшавского Договора, заключенного между этими государствами 14 мая 1955 года в столице Польской Народной Республики. В тех конкретных исторических условиях непрерывного возрастания агрессивности мирового империализма это было ответной мерой по коллективной защите завоеваний социализма, сохранению мира в Европе и во всем мире.

Как известно, сразу же после окончания второй мировой войны, когда были разгромлены главные отряды империализма — фашистская Германия и милитаристская Япония — и ускорился процесс прогрессивного развития человечества, мировой империализм во главе с американским развернул лихорадочную работу по мобилизации всех своих самых агрессивных и реакционных сил. Он решил дать бой объективному ходу истории, попытаться в бессильной ярости и иступлении повернуть ее вспять. Его не устраивало соседство могучей, непрерывно развивающейся мировой системы социализма, он не мог мириться с крушением колониальной империи, лавиной нарастающего национально-освободительного и революционного движения. Вопреки чаяниям народов, перенесших трагедию минувшей войны, мировой империализм приступил к подготовке новых военных походов.

Империалисты США и других капиталистических стран в стремлении ликвидировать мировую социалистическую систему использовали все средства. Они организовали экономическую блокаду, развернули политику атомного шантажа. Однако эта политика с треском провалилась, ибо уже в

1949 году в нашей стране было создано атомное, а в 1953 году, значительно раньше, чем в США, термоядерное оружие и мощные средства его доставки, что лишило США атомной монополии и стратегической неуязвимости. Это охладило воинствующий пыл империализма, но не успокоило их.

Продолжая агрессивный курс «с позиции силы», прикрываясь флагом «сдерживания» коммунизма, империалисты в начале пятидесятых годов создали систему агрессивных военно-политических блоков. Ее ядром стал Североатлантический пакт — НАТО, созданный под эгидой США в 1949 году. Агрессивность этого блока особенно возросла с вступлением в его состав в 1955 году Западной Германии, где возродились милитаризм и реваншизм.

В ФРГ поднимают голову недобитые фашисты, действиями возникнов «земельства» и другие реакционные организации, раздается натисковые требования пересмотреть итоги минувшей войны, установить границы, поглотить ГДР и территории других социалистических стран Европы. Западная Германия превратилась в очаг военной опасности на европейском континенте. Значительно возросла угроза для социалистических стран.

стического содружества на Будапештской встрече в марте 1949 года — разработали меры, которые направлены на дальнейшее совершенствование структуры и организации Объединенных Вооруженных Сил.

Решениями правительств государств — участников Варшавского Договора и указанными Политического Консультативного Комитета руководствуются военные органы — Объединенное командование, Комитет министров обороны и все органы управления Объединенных Вооруженных Сил. Эти решения и указания успешно преворачиваются в жизнь, о чем свидетельствуют многие факты, в частности результаты работы Военного совета Объединенных Вооруженных Сил, который заседал — 10 декабря 1949 года в Москве. Заседание прошло в обстановке полного взаимопонимания и единства взглядов всех членов Военного совета. На нем были рассмотрены вопросы дальнейшего совершенствования Объединенных войск, штабов и укреплений органов управления Объединенными Вооруженными Силами.

В соответствии с решением Будапештского Совещания Политического Консультативного Комитета был образован Комитет министров обороны государств — участников Варшавского Договора.

На своем недавнем заседании он обсудил вопросы, связанные с укреплением обороноспособности стран социалистического содружества. Забота об их военной мощи — это наша ответная мера на агрессивные устремления руководящих кругов НАТО.

В составе Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора имеются все современные виды и рода войск, а также органы управления и тыла. Союзные армии располагают мощными ракетным оружием и всеми современными средствами борьбы — танками, артиллерией, реактивной сверхзвуковой авиацией, новейшими средствами противовоздушной обороны, боевыми кораблями различного предназначения и другой боевой техникой. Кроме того, в Вооруженных Силах Советского Союза всегда боевой готовности находятся Ракетные войска стратегического назначения, всеокружающая мощь которых стоит на страже безопасности социалистических стран.

Наши армии имеют в общем однотипную организационную структуру, боевую тактику и вооружение. Для них характерна совместная разработка новых проблем, творческое развитие военной мысли. Братские армии имеют замечательные квалифицированные кадры руководителей, базу для их выращивания — военные училища и академии. Наши воины — это настоящие мастера военного дела. Они беспрестанно преданы своему народу, воспитаны в духе классовой солидарности и ненависти к империалистическим агрессорам.

Помогу, где встречаются воины союзных армий, видны тесные товарищеские отношения, которые могут быть только у братьев по классу. В рамках Объединенных Вооруженных Сил установились самые разнообразные контакты — совместные учения, обмен военными делегациями, взаимные визиты кораблей, военно-спортивные

серованию. Многообразные формы сотрудничества способствовало решению этих задач.

«Все это дает полное право утверждать, что пройденный путь пятнадцатилетней деятельности боевого содружества союзных армий подтверждает действительность всей военной структуры Варшавского Договора, располагающей большими возможностями по мобилному использованию Объединенных Вооруженных Сил для разгрома любого агрессора.»

● **Иван Игнатьевич, что помогает Вам, как Главнокомандующему Объединенными Вооруженными Силами действовать согласно решениям партии и правительств государств — участников Варшавского Договора и указаний Политбюро ЦК Советского Комитета. Он черпает своих заместителей и Штаб Объединенных Вооруженных Сил, по согласованию с министрами обороны, а при необходимости и с правительствами союзных стран организует и проводит необходимые**

учения, и у меня осталось самое хорошее впечатление как о руководстве им, так и о действиях войск, принимавших участие.

«Я затрудняюсь выделить особо какие-либо части и соединения из состава Войска Польского, Национальной Народной армии ГДР, Чехословацкой Народной армии и Советских Вооруженных Сил. Могу сказать лишь, что учение показало полному выучку всех войск, внесло существенный вклад в повышение боевой готовности и укрепление братства по оружию.»

● **Где обычно находится руководитель подобными учениями? Что позволяет ему видеть все картину «сражения», контролировать его динамику?**

— Крупные совместные учения Объединенных Вооруженных Сил проводятся, как правило, на территории одного или нескольких сопредельных государств — участников Варшавского Договора. Поэтому они имеют большой пространственный размах — сотни километров по фронту и в глубину, могут включать как сухопутные театры военных действий с наличием на них серьезных водных и горных преград, так и морские, а также огромные воздушные пространства.

● **Несколько слов о себе, товарищ Маршал Советского Союза. Какими военными заслугами служил? За что Вы дважды получили звание Героя Советского Союза?**

— Службу я начал в 1932 году, когда по призыву партии стал курсантом Объединенной Белорусской военной школы имени М. И. Калинина в Минске.

Первой боевой олот получил при освобождении Западной Белоруссии и в войне с белофиннами.

«Все 1418 дней Великой Отечественной войны находился на фронте. Командовал танковыми частями и соединениями, был заместителем командира танкового корпуса. Пламя и дымы саражестонных боев и сражений с ненавистным врагом на Правобережной Украине при освобождении Проскуры (ныне — Хмельницкий), Львова, Перемышля (при форсировании Вислы) и на Сандомирском плацдарме. Боевые с танковыми подразделениями мы преодолели реки Ниль, Пиллику, Варту, Одер, освободили Номиню Силезию, штурмовали Берлин, шли на помощь вставшим в Праге и вызвали ее из-под немецкого гитлеровского ига.»

«Значительная часть моего боевого пути связана с 91-й отдельной танковой бригадой. За успешные боевые действия она была награждена орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого III степени. Бригада отличалась во многих операциях, а за овладение городом Фастов удостоилась почетного наименования «Фастовская». В январе 1944 года мне в числе других командиров было присвоено звание Героя Советского Союза. Вторую медаль «Золотая Звезда» мне вручили за участие в освобождении Вислы и за захват плацдарма на ее левом берегу.»

● **Скажите, Иван Игнатьевич, бывало ли теплые моменты, когда Вы, вспоминая боевые моменты, могли оказаться в боевой машине?**

— Признаться, и танковым войскам у меня давняя привычка и симпатия. В них я вырос как советский солдат и командир. С детства мне не забываемые события моей службы в послевоенную пору. Естественно, что и сейчас, наблюдая, например, за действиями танкистов на учениях, мной раз представляю себя в их составе и в боевых порядках. Это, как говорят, порыв души.

«Но не в этом существо дела. Так называемая приверженность к «своему» роду войск не может и не должна заслонять главное. А оно сводится к тому, что нельзя переставать думать и неослабно думать или иные виды Вооруженных Сил и рода войск. Важно это и сейчас, когда в результате военно-технической революции в составе Советских Вооруженных Сил появились новые средства вооруженной борьбы и обладающие исключительной мощью Ракетные войска стратегического назначения. И даже несмотря на решающую роль в современной войне ракетно-ядерного оружия, а мы ныне насыщены и Сухопутные войска, и ВВС, и ВМФ, и войска ПВО, победа может быть достигнута только совместными усилиями всех видов и родов войск. Вот почему мы, военачальники, не можем отдавать предпочтение какому-либо из них в ущерб другому.»

● **Что бы Вы хотели пожелать воинам братских армий!**

— В мае 1970 года исполняется пятнадцатидесятилетний юбилей организации Варшавского Договора. Воинские товарищи! Пусть знают, что воины союзных армий с честью выживают возложенные на них задачи. Их объединяют крепкая дружба и тесное боевое сотрудничество. У них общая цель — достижение социалистических завоеваний своих народов.

«Во всех армиях социалистического содружества сейчас идет деятельная подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Войны энергично соревнуются за достижение лучших результатов в юбилей. Я хотел бы воспользоваться предоставившейся мне возможностью и через ваш журнал передать воинам союзных армий пожелания новых успехов в подготовке и выполнении, в повышении боеготовности Объединенных Вооруженных Сил. Пусть и дальше укрепляются их нерушимая дружба, классовая солидарность и революционная воля к охране священных рубежей социалистических стран.»

мероприятия в интересах повышения боевой готовности Объединенных Вооруженных Сил.

«Вполне понятно, что задачи, возложенные на любую из военных организаций, требуют целестремленности, быстроты действий, четкости их выполнения.»

«В Объединенных Силах есть все необходимое, хорошо отлаженные органы управления, в том числе Штаб. С их помощью доводятся нужные директивы, указания, рекомендации войскам, направляются и контролируются их действия. В органах управления представлены все братские союзные армий.»

● **Какого Вы мнения о прошедшем недавно учении «Оверлейс»? Действия каких армий, частей Вы могли бы отметить особенно!**

— Многим из нас памятные такие крупные совместные учения, проведенные за последние годы на территории союзных стран, как «Квартет», «Октябрьский штурм», «Влтава», «Маневр», «Родонья», «Шумава», «Север», а также другие учения сухопутных войск, войск ПВО, флотов, органов тыла. Все они активно содействовали росту боевой мощи и укрепленю боевого содружества братских армий.

«В конце сентября, на завершающем этапе 1969 учебного года, мы видели четкие, согласованные действия войск Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Советского Союза и Чехословацкой Социалистической Республики на крупном оперативно-тактическом учении «Овер-Нейс». Оно проводилось на значительной части территории ГПР: на суше, на море, в воздухе. Руководитель учением министр Национальной обороны Польской Народной Республики генерал брони Войска Зрелынский. От начала и до конца я присутствовал на этом

Применительно к реальным сражениям такие учения по своим масштабам близки к операциям фронтов и армий. Здесь также имеются противоборствующие стороны, только это дружественные армии, и действуют они по единым законам военного искусства социалистических государств. На совместных учениях соединения и части обучаются всему, что необходимо на войне, в условиях, близких к боевым, только реальный рукоядно-пушечный и артиллерийский огонь, бомбометание проводится по мишеням на специальных полигонах.

«Того, чтобы руководитель учений мог постоянно контролировать их ход, влиять на действия войск и правильность выполнения ими своих задач, он должен иметь соответствующий аппарат руководства, оснащенный современными средствами управления. Такой аппарат состоит из помощников руководителя учениями, штаба руководства и посредников — генералов и офицеров, имеющих высочайшую теоретическую подготовку и большой практический опыт обучения войск. Все это в целом позволяет руководителю учениями видеть полную картину «сражения», оперативно руководить учениями.»

«Что касается места руководителя учениями, то он должен находиться там, откуда можно бы лично наблюдать действия основных группировок войск сторон и куда стекается вся информация. Таким местом является командный пункт руководства. Он оборудован техническими средствами управления и обычно заблаговременно подготавливается в разных районах учения на всю их глубину и привязывается к рубежам. Где будут происходить наиболее важные эпизоды. В динамичной обстановке — на марше, во встречном сражении, при преследовании — командный пункт руководства может находиться на специально оборудованном самолете или вертолете, а на морских театрах — на боевом корабле.»

"В ПИКАР Э... СЕНТЕТЕРИ

Евгений МЕСАЦЕВ,
специальный корреспондент
«Смена»

...икроватбус... устанавливается у крыла двухместного самолета. Первым на бетонку ступает подполковник Золтан Сентетери.

И он и в одежде как полагается для такого высотного и скоростного полета: противоударный костюм, герметичные шлемы, прыжки, высокие ботинки.

По крутым ступенькам мы быстро лезем в свои кабинеты, но я все же успеваю заметить подвешенную под потолком здоровенную бомбу ради нешто мы и пускемся в очередное воздушное приключение...

Подполковник Сентетери сидит вперед. От него в мою кабину введены ручки и педали управления сектор газа. Из множества приборов дублирования меня интересуют несколько стрелок. Они показывают высоту, скорость, положение самолета, величину перегрузку и время. Я найцусь выучил правила катапультирования и твердо верю, что выстрелившись креслом, проведу остаток жизни на любой высоте и скорости.

Техник опускает прозрачные фонари наших кабин, отводит стрелочки. Подполковник промолвил мне несколько тумblers на моей приборной доске и покрепче затянул привязные ремни. На правильное русское задание я отвечаю, нет ли в карманах чего-нибудь металлического. Есть, а что? Подполковник недобрыми глазами водит техника, и я быстро отдаю ему ключи, авторучку, деньги. В полете все это может случайно вывалиться из карманов, замкнув многочисленные электрические цепи или же заклинить какой-нибудь рычажок — в авиации известны случаи, когда обыкновенная булавка взрывала в воздухе самолет...

Ставлю ноги на подножии катапультирующего кресла (сейчас мы влетим, и я должен нацело освободить педаль управления), закрываю прозрачные зеркала — мою последнюю правую в этот сложный миг. Отменяю высотный противоударный костюм — это фантастическое требование шурфов, резинowych туплек и крючков — ставит в рамах кабинной. Со всеми внутренними приборами я связан своеобразной «упругостью», по ней мне подается кислород, тепло...

Сильно потянуло назад и затрясло. Мы проскочили половину взлетной полосы, за две или, может быть, за три секунды подняли чуть выше леса и, сбивая с толку пилота противника, понеслись ровнехонь с землей.

Так мы летим двадцать минут. Стрелка указывает на скорости подошла к отметке 1050 километров в час. Я спрашиваю Золтана, когда он наконец сбросит свою бомбу. «Минуты через две мы вылетим в район Венгрии... Это что, пекота, доты?» «Группа замаскированных танков». «Как же вы замете их на такой высоте?» «У меня на карте данные нашей разведки».

Что-то такое! К ручке управления

Репортаж с борта
сверхзвукового
истребителя
Военно-Воздушных
Сил
Венгерской
Народной
Республики

плавно отошла чуть-чуть вперед и сейчас же данулась на меня. Я почувствовал, как отжелезил, налились веки, а спина прилипла к сиденью. Земля перед нами пропала. Огромная сила опрокинула нас вверх ногами — мы снейкой набираем нужную высоту.

Точно под нами должна находиться цель, в которую подполковник Сентетери обещал попасть с первого захода. Езая! — погасла зеленая лампочка — БОМБА СВРОЩЕНА! По инерции она летит сейчас за нами, и зенитный зенит остановился и рухнул прямо на танки — таков расчет подполковника. Что из этого получится на самом деле, мы узнаем чуть позже. А пока...

Пока мы очень издалека ложимся на спину. Мои ноги, кажется, свалились с подножия, привязные и парашютные ремни врезались в плечи, отяжелела голова. Это продолжалось всего секунду. Истребитель снова принял нормальное положение: я могу опуститься и привести себя в порядок.

Та-а-а-а... Мы успели допрыгнуть на несколько километров. Скорость Довукова — похоже, что мы возвращаемся. Хотя нет, стойте. Снова поднялась пилка авиоразрешающая, а вместе с ней и стрелка указателя высоты. Одновременно с этим Золтан Сентетери четыре раза крутанул наш самолет вокруг его оси — проделал «бочку» — обобщено-то это сложную фигуру высшего пилотажа. Интересно, зачем это? Вижу как «арчаются» небо и земля. Странно, но меня не принимает к сиденью, и я не вижу на ремнях, хотя с землей, наверху, кажется, что мы в этот самый момент тяжем.

«Бочка на горке» окончена. Мы в

стратосфере. Примерно с четверть минуты движемся параллельно земле, а затем все обрывается. Я успеваю лишь заметить, как леза подаль управления резко уходит вперед, ручка сначала движется к приборной доске, а затем на меня и влево. Земля стремительно набегает и кружится, меня все сильнее тащит с сиденья, стрелка высоты начнет падать. Но тут ручка управления снова подходит к мому коленям... Я очень сильно прижал к сиденью, у меня темнеет глаза. Перегрузка — леза 6,5! Мы выходим из пики, но инерция тащит нашу тела вниз. Мышцы лица обмякли, превратили его в какую-то безобразную массу, нижняя челюсть налилась свинцом — невозможно что-либо сказать, пошевелить пальцем... А вот теперь... Сильно ждало живот: сработал противоударный костюм, точнее, та его часть, которая не пускает кровь от ног к голове... и мне пилот потерял сознание. На нас действует максимальная перегрузка: она в семь раз превосходит вес наших тел.

Снова «бочки» (кажется, их было две). Теперь, немного подаль, хотя самолет идет вверх почти вертикально: 4000... 6000... 8000... 12000 метров. Здесь Золтан выводит машину и сейчас же увеличивает тягу мотора. Несколько секунд спустя ручка управления двигателем переместилась к слову «форсаж». Это означает, что горючее пошло в дополнительную камеру сгорания и двигатель отдаст нам все, что может.

Скорость полета все время растет. Наконец, легкий рывок вперед: мы пересекли звуковой барьер — 274 километра в час. Но подполковник Сентетери, видимо, не желает «тащиться» так медленно: 1600... 1800...

2050 километров в час. Сейчас будет «два звука» — две звуковые скорости. Вот они! Снова падают стрелки приборов, снова короткий рывок вперед.

Англет красное тело — оно сообщает, что одна группа топливных баков уже пуста. Это видит и подполковник Сентетери. Он медленно убавляет обороты двигателя, чуть-чуть, как привязные ремни и ляжки парашюта начинают давить на плечи и грудь, спинка кресла уходит назад. Воду из склянок снова илентулись на это невидимую стенку, очень противно (до легкого приступа тошноты) тнет вперед — минуту или полторы, точно не помню.

Затем снова падение с перерывом на спину. Показывает в ушах. Снова стремительно растет скорость, и так же быстро исчезает vitesse. Позволяет новые ощущения: мне тащит из кабины, трудно дышится, рождает в глазах. Я не могу отыскать нужные приборы, а потому не скажу, какую омерзительную чуточку сгарела мной Золтан Сентетери.

Опять стало живо и бедро, опять кувирнулись «пилка» авиоразрешающая, показывая наше положение относительно матушки-земли. «Летим домой», — сообщила наконец подполковник, — осталось еще две фигуры, и все.

Двумя оставшимися «фигурами» были «побубона на вертикали» и «боевой разворот». Об ощущениях на первой фигуре вы уже знаете, «боевой разворот» очень походит на крутой вираж с некоторым набором высоты. Здесь мы ждем, будто земля бросается вправо, а затем влево, мы слышим работу борту, и, как бы, например, расмотреть на ней какой-нибудь предмет, вам нечего верить головам и быстро сообразать, где что...

Садимся с опустившимися баками, с первого захода. Золтан зарываю на край истребителя, принаывает мне поднять зеркала и открыть фонари кабин. Приказ этот весьма кстати: все тепло, которое наша машина получила от трения с воздухом и работы механизмов, здесь, на земле, сейчас же попало в кабины — нас словно посадили в духовку.

В летной столовой я спросил Золтана Сентетери, для чего он все это вытворял в воздухе. Неужели, чтобы подтверждать в моем присутствии свою правдоподобную храбрость? Золтан отложил ложку и вилку, покосил кого-то. «Вон из зон столком, второй справа, видишь?» — «Ну и что?» — «А то, что, когда мы сбросились в парашютную сеть, ему приказали нас атаковать. Радиостанционная станция защиты всегда предупреждала меня о том, что «противник» садится на парашюты. Видишь, уходи!» — «Враг говорит, что за эти сроки минут я потерял 400 граммов. А как вы себя чувствуете?» — «Чуть побаливает плечи и ручки — от перегрузки».

Золтан Сентетери тридцать восемь лет. Он учился летать в советском авиационном училище. Подполковник немного сутулится, мне кажется, это оттого, что несколько раз, садясь в кабину своего истребителя и пристегиваясь к сиденью, он как бы вваливался на плечи своей самолету — и обидно, и тяжело.

И еще. Молодые венгерские пилоты в один голос говорили мне, что бы я не летал с Золтаном Сентетери: «Винет душить своих шутками». Так оно и было.

Будетшт — Мосна.

Виктор МОШНЯГА,
председатель Бюро
международного
молодежного
туразма «Спутник»

"СПУТНИК" В ДАНИИ

Международный туризм называют феноменом XX века. К такому выводу обязательно приходят, когда знакомишься с его развитием за последние десятилетия. Он стал более активным и массовым. Более демократичным и глобальным. Роль традиционных туристических стран — Италии, Испании, Франции, Швейцарии — не упала, но в десятки, а то и сотни раз возросла популярность государств, вновь «открытых» туристам.

В последние годы быстро развились средства транспорта, что сократило расстояния и сделало даже самые дальние путешествия быстрыми, удобными, не особенно утомительными.

На смену «холодной войне» пришла определенное «потепление» международных отношений. Появилась не только возможность, но и желание ближе познакомиться с жизнью и культурой других народов, с их историческими, культурными и природными памятниками. Потому что туризм не только расширяет кругозор человека, но пропорционально и более проницательным познанием снижает старые предрассудки.

У молодежного туризма есть характерная только для него черта. Всемирные фестивалы молодежи, международные студенческие спортивные встречи подготовили молодых к более тесному контакту со своими сверстниками из рубежом, и путешествия, взаимный обмен визитами стали на основе потребности поколения.

Расширению и укреплению международных связей советской молодежи с ее зарубежными ровесниками и служила Бюро международного молодежного туризма, которое было создано в июне 1958 года.

Работа «Спутника» широка и разнообразна. Он сотрудничает с 328 организациями 52 стран всех континентов. В 1969 году «Спутник» принял около 70 тысяч иностранных туристов, 50 тысяч советских юношей и девушек направило за границу. Чаще всего «Спутник» «обменивается» туристическими визитами с социалистическими странами. Это закономерно: общность наших идеологий, единство целей, традиционные дружеские отношения и прогрессивные организации. Активно развиваются контакты и двусторонний обмен с обществами друзей в СССР и Австралии, Бельгии, Венгрии, Швейцарии, скандинавских странах.

Большое место в международных туристических связях «Спутника» занимают различные студенческие организации, национальные союзы и ассоциации высшей школы. Сейчас мы сотрудничаем с 22 студенческими туристскими организациями Молодежного движения на Западе отличается своеобразием и нестройно. «Спутник» в своей работе приходится учитывать и эту особенность. Мы поддерживаем и развиваем связи с многочисленными образовательными, профессиональными, культурными и спортивными, молодежескими организациями, которым принадлежит около семерки процентов молодежного обмена с этими государствами.

В Советской Союзе есть о большой интерес. Нет ничего удивительного в том, что молодежь всего мира хочет больше знать о родине В. И. Ленина — первой страны социализма. Наши достижения в науке, культуре, технике — результат нашего социального прогресса. И, естественно, каждый приближает к нам зарубежный гость хочет поближе увидеть из того, о чем раньше он только слышал. Запрямом самым важным. Одним интересуют исторические, культурные, архитектурные памятники. Другим — экономика, народное хозяйство, образ жизни. Третьи хотят познакомиться с нашей природой. Четвертые — стремятся со своими сверстниками и коллегами. Все это приходится учитывать и составлять дифференцированные программы, чтобы удовлетворить интересам всех гостей.

Путешествия, организуемые «Спутником», дают возможность иностранным туристам посетить более ста наших городов. Это и города-герои — Волгоград, Киев, Одесса. И города-памятники — Петрозаводск, Ленинград, Искон Суэцкая, Владимир, Ярославль, Самарканд, Бухара. «Спутник» имеет 12 собственных молодежных лагерей в Сибири, Туркменистане, на Волге, в Литве, в Закарпатье, в Буковине, на озере Севан. Так что нашим гостям есть и что посмотреть, есть и где отдохнуть. Но еще известны Кавказ и Иран, Балтики, Древней Руси и Средней Азии уходит на второй план, едва дело касается Сибири. На большинство туристов поездка в Сибирь производит ошеломляющее впечатление. Мы привыкли к нашим достижениям. Гигантские стройки, оазисы буланди. Но иностранцу, у которого представляли о Сибири чаще фантастика.

Вот, например, как проходит маршрут в Иркутске. Поезд идет или на автобусе туристы знакомятся со старой, деревянной частью города, а потом через лабиринт улиц ТЭО попадают в Студенческий и Академгородок. Вскорею непреодолим настроению

му человеку сразу виден контраст между старой и новой Сибирью, а когда в заключение туристы едут на самую грандиозную в мире Братскую ГЭС, в город Братск, в пионерские лагеря, высокие в тайге, впечатления, как правило, бывают очень глубокими.

Интересно, что для японской молодежи сибирский маршрут стал традиционным и наиболее популярным. Завлека на него столь многочисленны, что удовлетворить их полностью просто невозможно. А нам бывает приятно услышать слова, подобные тем, что сказал американец Лерон Трорер:

— Мы поняли основной дух, силу вашего народа, его духовную красоту, гостеприимство и огромнейшую, ставшую нам большой гордостью, стараниями своей страны.

Как тут не вспомнить Мариа Твена, которой сто лет назад писали:

«Путешествия гибельны для предисудков, фантазматичности, ограниченности, вот почему они так остро необходимы многим и многим у нас в Америке».

Можно добавить: и не только в Америке.

1970 год — год 100-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина. Интерес к жизни и деятельности создателя Советского государства настолько велик, что «Спутник» организовал специальные ленинские программы. Через 100 городов проехало 50 тысяч туристов маршрутов, которые на выбор предлагают юношам и девушкам зарубежных стран. Из них 14 маршрутов — ленинские. Наши гости посетят Москву, Ленинград, Ульяновск, Казань, столицы союзных республик. Они встретятся с теми, кто лично знал Ленина.

С именем вождя, его вдохновенным грудом и беспрерывным революционным подвигом связано немало мест и за границей. Уточняя это, наши маршрутчики внесли дополнения и корректировку в традиционные туристские маршруты. Зарубежные города, где бывал В. И. Ленин, радостно встречают молодых рабочих, крестьян, специалистов, студентов, школьников на первой страны социализма. Такие поездки вызывают широкий общественный резонанс и не случайно вызывают пристальное внимание не только со стороны наших друзей, но и издателей.

Так, например, было в Дании, когда советский теплоход «Мария Ульянова», совершая маршрут по ленинским местам стран Восточного бассейна, стал на рейд у порту Конгеланга. Этот визит в каузи 1970 года совпал с приходом в воды Дании военной эскадры НАТО, а также советско-ветскому теплоходу власти отметили место рядом с американским

военным фрегатом с расчлененными ракетными установками. Неожиданно возник атомная-ция, открыли бани, тапшы, по радио звали желающих посетить военные корабли. И тогда шло решение рентахости отечественного мероприятия. Была организована пресс-конференция для журналистов газет, радио и телевидения. Пресс-конференция открыла в русских национальных костюмах самодельный ансамбль «Сиверо». Это пронзало сильное впечатление, а прибытия теплохода очень быстро узнала датская общественность. К яхте «Мария Ульянова» потянулись сотни датчан. Как и в Финляндии, Швеции, на борту судна состоялось многочисленное мероприятие, просмотры советских кинофильмов, знакомство с выставкой о В. И. Ленине и советской молодежи, обмен сувенирами, открытками, значками и, конечно же, адресами.

А когда группы художников-любителей создали атмосферу доверия и откровенности, вытиснули на улицы Конгеланга антиковесные лозунги, вывески туристов пригласили выступить на центральной площади города.

«Два визита двух народов», — комментировал в вечерних передачах диктор датского радиоприемника в ризам и пушках, другие — с веселой иронией и фантастическим выхрем русских языком». А по центральному телевидению миллионы зрителей смотрели фильм о выступлениях советских молодых туристов. Передача открывалась комментариями: «Судно в Конгеланге была мурами, дождливая погода. Но кусочки яркого солнца принесли с собой на старую Королевскую площадь датские русские. Смотрите это солнце...»

С немалым подъемом программа встреч участников кружка с датчанами в знаменитом городском саду, где на последнем конгрессе II Интернационала выступил В. И. Ленин.

«Неделя фестивалей в Ростове, двусторонние фестивалей и интернациональных лагерей молодежи, обмен поездками дружеского обмена молодежи социалистических стран — все эти культурные мероприятия способствуют укреплению сотрудничества между молодыми людьми социалистических стран, организация городов-побратимов, республик, областей, районов, вождствами и окрестки этих государств.

Дневники лет пролило с тех пор, как «Спутник» начал свою работу. Сейчас его эмблема знакома во многих странах мира. И вестали, мне кажется, это только начало. Будет дальнейшее развитие международного молодежного туризма в нашей стране.

СУЭЦКИЙ РЕПОРТАЖ

Леонид ПЛЕШАКОВ

Осенью 1969 года в провинции Северный Аду-Тазар Объединенной Арабской Республики был организован международный молодежный трудовой лагерь. Около тысячи молодых коммунистов стран (всехом числе из СССР) в течение двух недель работали на полях нового хозяйства в Сахаре. Они обрабатывали виноградники, рыли траншеи оросительной и дренажной систем, мерзало шпалы в спортивном сооружении, обсуждали проблемы молодого новоявления Земли. Сюда была поездка и Александр Кипр, Луксор, Хелван. Члену советской делегации, корреспонденту журнала «Смена» Леониду Пешакову удалось, кроме того, побывать на передовой в зоне Суэцкого канала. Об этом его сегодняшней репортаж.

клетка — шаша, вавария. Разнообразие и повидна интеллектуальной отсталости на данной планете и проблемы дня.

На описанных вначале не се обманчивой старости, а твердо решил изудить пшесты на фронте, встроиться с теми, кто сражается. В коммунистических инстанциях скакали:

— Мушкет. Момент быть.

В уже знал эту растительную-лаучную формулу. «Мушкет» гласило о себе и «может быть, да» и «может быть, нет».

Накануне пришло утро, когда нежданно цвета «газика», выросшие из сутулочных узких Канра, поочах нас на постов, в фронте. Из чегару-хемон цветах заглава тельно, а олам не имел никакого фронтового опыта. Телм Аларинев, собственный корреспондент «Комсомольской правды», за три месяца своего собораства и Гелити успел несколько раз побывать на канале в неоний раз — эо артиристы, то бомбежка.

Наш полкель Увено Рахуни был личным водителем бывшего начальника генерального штаба ОАР генерала Ренгеля. С этим боестрашим человеком Увено исполнил тысячи фронтовых километров.

Полковник Мушкет Фейсал, редактор арабской газеты, принял меня, тринадцатую аггессию 1966 года и войну 1967-го.

В такой компании я чувствовал себя гражданским штафирман. И они, как полки, превращали меня.

— Понимаешь, — объяснял Телм. — Самое неприятное при бомбежке то, что самолет, сбрасывая на тебя бомбы, пролетает над головой гораздо раньше, чем его груз упадет на землю. Самолет пролетает, а ты думаешь, что опасность миновала. Вспыхивает — и тут вокруг все начинает рваться, гореть, рушиться.

Я слышал, что всего этого мне лично не испытать. Каким-то стонетивым генерал, давшим нам разрешение на посещение на фронте, сказал, что можно посетить только район Исмаилии. Там уже месяц два спокойно.

— Не огорчайтесь, — поспешил сказать генерал — побывайте в отдаленной фронтовой бригаде. Да и на канал вас свезет. На самолете перевозим.

— Улицы Исмаилии пустыни и пусты. Когда говорят, что в городе остались только остатки части жителей — эту цифру увеличиваешь, и понимаешь, с трудом. Для полноты описания

гда майор порывается с нею — бежать мне.

— Сейчас...

Странный свист над головой... Старший лейтенант хватается меня за руку. Мы вскакиваем в здание, а во дворе:

— Bon! Bon! Bon!

Это разрывы, но совсем иные по звуку, чем прежде: мягче и тише.

Я снова в проклятой кладовке. А командир НПН все еще кричит в трубку:

— Алло! Алло! — А связи все равно нет. А во дворе уже без остановки: бон-бон-бон...

Я жду пять минут, десять... и еще полчаса.

— Где майор Али? — спрашивает по-английски командир НПН.

— Майор, наверное, в машине, — говорит он.

— Могут и идти туда?

— Нет. Вы должны быть здесь.

И я сижу у стены, а разрывы не прекращаются. Наконец связь налажена. Это я понимаю по тому, что вместо «алло, алло» майор Хасан стал что-то быстро докладывать по-арабски... И тут Али. Они дожидаются на цыновку и никак не могут перевести дыхание. А я ни о чем и не спрашиваю. Просто рад, что они живы. Их быстрое дорожное мне рождает с приятным трепетом и так говорят лучше слов.

— Первые мины взорвались во дворе, когда я был у самого забора, — наконец заговорил Толя. — Если бы ты не отстал, мы бы не вернулись сюда, а побежали дальше.

— И нас бы накрыло следующим залпом...

— Скорее всего... А так пришлось возвращаться... Бежали и падали... Вернее: все время падали... с размаху в песок. Мины рвались все время... я рядом...

— Что он говорит по телефону? — спрашивает Толя.

— Докладывает о наших потерях... Убитых нет... раненых тоже нет... Разбито перископ...

— Мы теперь без газа? — поясняет майор Али...

— А что говорит ему?

— Говорит, что из укрытия вышли три израильских танка и идут на север-восток в нашу сторону.

— А у нас действительно нет потерь?

— На самом деле нет. Только кулда девадас один солдат. Перед обстрелом он ушел стирать рубашку...

Теперь о танках докладывали все время. Они вышли на огневой рубеж и дали залп. Один снаряд застал над головой и полетел в город, два других угодили в госпиталь, а я чувствовал спонж, как стена мелко задрожала. В нашу кладовку набилось столько народу, что дышать стало трудно. Только майор Хасан все сидел на столе, посылал сигаретку и расширял по телефону об израильских танках. Хотя и без телодвижений наблюдал столько народу, что дышать НПН и страдал, черт возьми, неплохо.

Принесли флагу с водой и пустили по кругу. Пили по одному глотку, но одна сразу стала пустой. Если мы пробуем здесь еще полчаска, я умру от жажды или от духоты.

А танки все бьют, и госпиталь все вздрагивает, а когда снаряды, замыная, летят в Исманию, становится еще страшнее, хотя мы и понимаем: предзнамения: они не нам. Иногда входили с ног до головы белые от известняк блядоты. Они коротко докладывали о противнике и, затанцовывая пару раз протантованную вилку сигареткой, снова уходили на свой пост.

Солдаты были спокойны. Такое нельзя раздражать перед двумя журналистами, если даже очень захочешь, чтоб те написали о твоей смерти. Быть спокойным под огнем врага можно. Когда ты действительно смеешься. Размывать спонжками перед лицом смерти совсем можно, да, минувший египетский солдат совсем иной, чем был летом 1967 года. Два года не прошли даром...

Впереди нас только укая, в 200 метрах, польская вода, форсировав которую для израильтян не составляет большого труда. Они уже проледали подобные рейды, и так же поручится, что сегодняшний обстрел не увертка к их очередному броску через канал.

Чем встретит врага крошечный гарнизон НПН? Автоматным огнем и ручными гранатометами? Но для этого врага нужно получить выдвинуто... Можно будет вывалить огонь на себя... Конечно, если с того берега полонят, госпиталь так и так попадет под обстрел своих же батарей. Слишком мала нейтральная полоса... Понимаю эти же солдаты? Наверное, понимают. И все-таки спокойны...

А потом снаряды завыли в другом направлении.

— Это уже наши батареи, — сказал майор Али. — С других НПН передали координаты израильских огневых точек.

— Значит, мы скоро сможем идти? — спрашивает я.

— Иниа алла, — говорит майор Али. — Аллах знает...

И действительно по часам: полвторого. Мы пробудим обстрелом два с половиной часа.

...Теперь мы не прощаемся. Мы высказываемся из-за укрытия и берем влодь валя к забору. Знакомая дыра... Нырнем в нее... Мешу дыру, но не сбавляя скорости, — влодь асфальта... Все дорожки в окладках от мин и снарядов. Они еще горячие, и приходится все время перепрыскивать с ладони на ладонь, чтобы не обжечься. На которой, мы видим, мышит без движения, словно знаменосец от жары, голубой флаг ООН.

Израильские здорово придулами, наврест снаряды дыры в каменном заборе. Словно наш селитровый взрыватель. Никто не пришел к нему. К ветровому стеклу прикреплена записка: Увейк ждет нас в больнице метрах в 300 по этой же улице. Совсем рядом с высокой металлической заборкой, на которой, мы видим, мышит без движения, словно знаменосец от жары, голубой флаг ООН.

Израильские здорово придулами, наврест снаряды дыры в каменном заборе. Словно наш селитровый взрыватель. Никто не пришел к нему. К ветровому стеклу прикреплена записка: Увейк ждет нас в больнице метрах в 300 по этой же улице. Совсем рядом с высокой металлической заборкой, на которой, мы видим, мышит без движения, словно знаменосец от жары, голубой флаг ООН.

А когда мы бегом во двор двухэтажного коттеджа, майор присваивает:

— Полюйте здесь, я иду искать Увейка. Пожалеуйте, не высматривайте из-за дома...

Входя в просторную комнату, слышу усталую цыновку. Комната расположена ниже обычного первого этажа, и для ее озона на уроне земли, а в дверь хорошо усматривается улица перед домом, хотя тем, кто на улице, нас не видно.

В углу комнаты — высокий атлетичный мужчина в белой рубашке и так же в брюках.

— Больница, — говорит — спрашивает Толя.

— Больница, — отвечает мужчина. — Я врач. Но пришлось весь персонал эвакуировать, потому что израильтяне регулярно нас обстреливали...

— Это больнично-то?...

— Им все равно, куда стрелять. Через Красный Крест им передали, что в этом доме находится больница, — все равно стреляют.

— Что тут было раньше? — спрашивает Толя.

— Они стреляют и по наблюдательному пункту ООН.

На улице заурчал автомобиль. Выскакиваем наружу. Увейк успел сменить пробитое колесо. Сам он в каске с масклиночным чехлом. Ремешок затянута у подбородка.

— Быстрее, — машет рукой майор.

Проходимся с врачом, тихоюю камой влодь улицы. Около вышки с флагом ООН спорицаем сторону от канала и выезжаем в тентистую аллею, оглянувшую озеро. И мчим что есть духу.

Ганьяне я как-то и не обратил внимания, что противоположный берег озера у израильтян и что наши «газник» ждут у них на виду. Правда, рядом с дорогой у самой воды сложены штабелями старые понтонны. Прорывание корыта на сыпучем песке и стоит друг за другом. Нам надо, чтоб защитит автомашины от огня с той стороны.

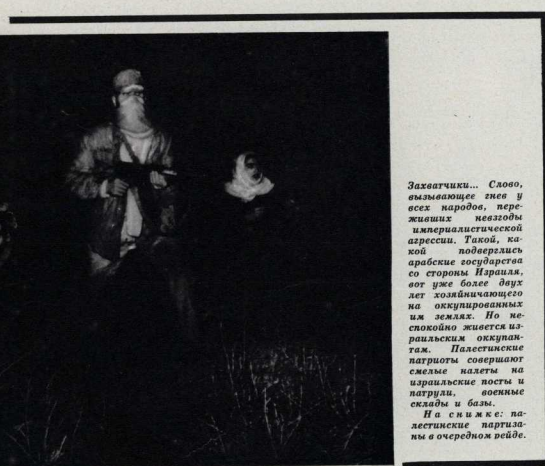
Но между штабелями оставлены широкие промежутки, поэтому с того берега все отлично видно. Иднотное это ощущение: быть дышко, и которую уже приходится хотить...

Наконец мы влетаем в Исманию. Улицы поперечные пусты. Только кое-где попадаются свежие разрушения.

Вдур Увейк на всем ходу осаживает машину. Поднимает капот. Радиатор изнутри пробит шальным осколком, все вода ушла, и мотор перегрелся.

— Это, наверное, когда ударила первая ракета, — объясняет шофер. — Меня взрывной волной стукнуло в забор, а машину уже побил осколком... Без воды ехать нельзя...

Но теперь это уж не страшно. Опасность позади, и я знаю все равно должен приспать машину на бригады. Мы высказываемся из «газника» и наперевод расказываем друг другу, как было там, в госпитале. Это, конечно, глумовато; ведь все мы были вместе, и в какой-то момент все было так спокойно, и столько было и столько было. Да и вообще мы выглядывали странно: стоим один посреди пыльной улицы, размахиваем руками и орем. Мы просто не можем говорить тихо. Это от радости, что все так хорошо кончилось...

Захватчики... Слово, слышающее нас у всех народов, переживших невзгоды империалистической агрессии. Такой, какой, подтвердившей арабские государства со стороны Израиля, вот уже более двух лет доминирующего на оккупированных землях. Но спокойно живет израильским оккупационным патриотический совершает смелые налеты на израильские посты и патрули, разжигает скандалы и баян.
На снимке: палестинские партизаны в очередной раз.

Сати КУМАР,
Индия

Фазыл Х. ДАГЛАРДЖА,
Турция

Никола ИНДЖОВ,
Болгария

Элли ПЕОНИДУ,
Кипр

С утра до позднего вечера
наши волосы перепутаны
с августовскими солнечными лучами.
Море. Мы на песок садимся.
Мы не лезем больше бензином.
Мы — деревья,
и заплыв радуги
ветер от наших рук.
Сам, будто кокон, спеленали
тонкие нити радуги.
Холодные обильно
отглаживаем из термоса.
На берегу дети собирают ракушки,
мы собираем воспоминания.
Сузую ветку ваточки в песок
и в детство наше позвоним
по телефону.
«Алло, когда увидимся?»
Молчанье.
Нет тона в веточке сузы.

По угасанию солнца
в наших волосах
поймаем наступление сумерек.
Дети уходят, уноса ракушки,
рыбаки уходят, уноса двойную
добычу —
и рыбку в море.

Только мы сидим на песке один
среди разбросанных воспоминаний
с веткой сузы
в песке,
и нет нам ответа
из отключенного детства.

Есть сила, заставляющая
смирять — глазами,
видеть — ушами,
чувствовать запах
и этим чувством возмещать
неумелость другого.
Преклонился перед силой этой.
Я хотел бы писать такие стихи,
которые мог бы
на ощупь
слесок прочитать.
Я хотел бы научиться в момент
прислыться,
чтобы слы слышать на лету.

Есть сила, превращающая
одегу — в воспоминание,
свет — в любовь,
горести — в понимание,
теплоту — в судьбу.
Преклонился.
Люблю тебя
всем изменениям во мне.
Каждым моим поражением
люблю тебя.

Преклонился перед силой,
что превращает
поражения наши в лед на реке.
Нелегко скользить по этому льду,
но мы проторежем путь
для тех,
кто придет после нас.

Радость на перекрестке

Не забывай меня, грязная темнота.
Еще рано, еще мерещит, когда
люди идут на рынок,
на поля, на суд, к морю.
Весна, когда люди идут...

Меня плохие вести не смущают,
я невинность не разделяю — мир
может измениться.
Я радуюсь каждому дню, поднимая
на газеты глаза.
Открываю глаза...

Мы все свои люди,
и сердце перечит рассудку, твердит,
что все это — мое.
Улыбаюсь выше встречным —
девушке, молодой женщине,
кто бы ни был,
всем улыбаюсь.

Как бы дома наших стран
ны карабкались
выше и выше,
птица моя садится ко мне на окно.
Я всегда уповал на великое небо,
на мир и на хлеб.
Всегда уповал.

Роберт ПЕТЕРСОН,
США

Уважаемая Америка

Уважаемая Америка, ты беспокоишь
меня.
Наша дружба [как и все, что было]
трещит по швам.

Больше не доверяю тебе,
твоим Мечтам,
твоей Судьбе
больше не доверяю.
Отныне нет Жемчужины Океана,
отныне нет Земли Свободы,
отныне дверь твоего дома — не
Золотая Дверь.

Кто ты, что заставляешь меня быть
цифрой
или ядерницей [Нет, не забывай мне
рол!]

Ты хочешь отдать мое тело
Министрам
и Генералам, пичкаешь меня
Фальшивыми Репортажами,
убиваешь детей и все это зовешь
Последними Известиями.

Узнаю омерзительный призрак,
встречаю его.
Сила Твоя хрюкает артиллерией
и умирает
в дыму...

Не узнавай, что для меня хорошо,
ка неет,
я сам своим слабым умишком это
решу как-нибудь.
Последняя Миля — топкая
дорога —
бомбить деревянные ветхие лодки...

Осен идет отовсюду
воспоминанием о лучших
цветах.

Многое тихо
во взгляде твоём повторится.
Снега хочу высоко
на Балканах.
Яности жажду ума.
Крокус — в озябшей ладони.
А над дорогой летят журавли.

Осен — как сон о цветах.
Даже страны схожи с цветами.
Снажешь: Голландия. Это —
тыопьян.
Снажешь: Испания. Это —
гвоздика.

Полюию Филиадрию
Лилые в августе на снегу.

Многое тихо впадает
Летучею мышью и плавным
ветром.
Как пепел Хиросимы, таятся
в крошк.
Стронция в пульсе гремит.
Неслышно
Взрывает рак в сегодняшних
городах.

И сходат с ума
исследователи рака.
Во взгляде твоём повторяется
Штаги с красными остриями,
Смертные одры, покушения,
гестапо —
осенью, превратившейся в рак.

Снега хочу высоко на
Балканах.
Качаться хочу в белой люльке
пурги.

Снега — в ладонях
и на плечах.
Хочу пробираться сквозь
высоту и деревне
и прийти туда в полночь.

Яности жажду ума.
Сесть за маленький столик,—
чтобы вино пахло грушей и
светлосью виноградною
гроздью.

Жажду доброго слова.
Хочу увидеть мамку
тридцатипетной.
Иду от умирающих,
но ухожу от живых.

Крокус принес в озябшей
ладони.
Осен идет отовсюду.

А над дорогой летят журавли.

Стихи Сати Кумара, Фазыла Х. Дагларджа, Роберта Петерсона пере-
ведены ПЕТРОМ ВЕГИНЫМ, стихи Никола Инджова и Элли Пеониду —
ОЛЕГОМ ДМИТРИЕВИМ.

Кипр

Я беру
сверхизлучающую палитру моря
и кладу на нее
все краски радуги.
Мне послужит моделью
мой же ладонь.
Это Кипр!
Как ладонь, обращенная к солнцу.
Что же он хочет:
проклянуть годы рабства,
которые невосполнимы!
Или требовать
[требовать всех своих прав
у судей мировых]
Или чадро дарить
[чадрю дарить
утомленному путнику
красоту,
плодородие,
древность —
с раскрытой ладонью]

Что же он хочет!
Все ветры, что спускаются с
Севера,
и поднимаются с Юга,
и приходит с Востока и Запада,
встречаются над Кипром.
Останавливаются
побеседовать накоротке,
чтоб потом, разлетаясь
по всем направлениям, плашеты.
Или чадро дарить
рассказать, как им видится Кипр
с высоты:
ладонь, обращенная к солнцу,
готовая с каждой ладонью
слыться в дружном
рукпожатии.

Как же быть нам спокойным,
Паломарес!
Море твоё плещется в детских
глазах.
а в одорожная бомба, ноги смеются,
сидит над руками детей —
эти руки исчезнут,
над детскую плоть, которая тоже
исчезнет,
и над двумя лепестками, упавшим
с розы...

Рыдания Моден, стонанья Геккубы,
молчице!
Теки, шестель ветра, теченье воды,
подлин лета, жаждущие прохлады,
следы птиц на влажном песке,
подсюю неаность
и аliness зверей —
заклучите все это в забвиемаса
сердце ребенка.
И останется место для безды.
Как же быть нам спокойным!

ДНИ И НОЧИ ВЬЕТНАМА

Михаил ИЛЬИНСКИЙ,
Геннадий КОПОСОВ и
Геннадий ЩЕРБАКОВ (фото)

жельми, напряженными были для Демократического Вьетнама эти военные годы. Но всегда люди героической страны ощущали, что рядом с ними социалистические страны и в первую очередь Советский Союз.

Несмотря на постоянные облеты американских военных самолетов, днем и ночью к берегам Вьетнама идут советские корабли.

— От имени рабочих порта Камфа, шахтеров Хонга, от имени всех жителей провинции Куангбинь, говорил мне директор порта Камфа Ле Ван, — мы благодарим советских моряков за их героический труд, весь советский народ за ту колоссальную помощь, которую он оказывает Вьетнаму.

Портвник Камфа никогда не забудет имени Николая Никитовича Рыбачука — советского моряка, погибшего во время перелетного обстрела американскими самолетами советского судна «Турестан», стоявшего на рейде этого порта.

— Успехи вьетнамского народа в борьбе с американской агрессией, — рассказывал Ле Зуй Ван, представитель Вьетнамского комитета защиты мира, — неотделимы от той помощи и поддержки, которую оказывает нам Советский Союз, все прогрессивное человечество. Широкая международная солидарность, которую мы ощущаем с полной силой, вдохновляет народ Демократической Республики Вьетнам, патриотов Южного Вьетнама на решительную борьбу с американскими агрессорами.

Тот, кто прожил долгие годы во Вьетнаме, не смог не восхищаться мужеством героического народа. Мой «газик» как-то пробирался по проселочным дорогам мимо горбатых скал, среди изумрудно-зеленых рисовых полей. Это было еще в то время, когда авиация США подвергала наиболее варварским бомбардировкам территорию ДРВ.

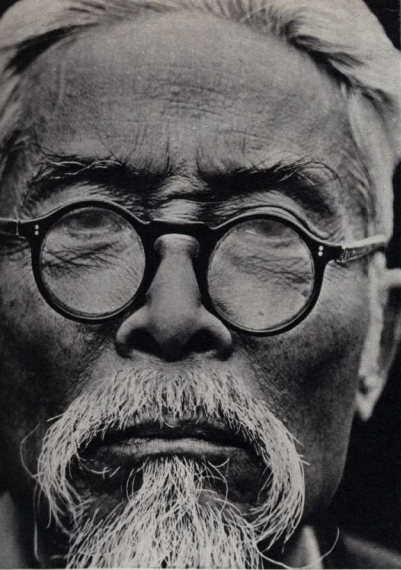
● 17-я параллель. Над выжженными огнем войны полями гордо реет флаг ДРВ.

● В горах «Шанг Бой». Отрад сажобороны.

● На рисовых полях сооружаются новые дамбы.

● Халвай. На берегу озера Возвращенного меча.

горного хребта лежали земли крупнейшего сельскохозяйственного хозяйства провинции. Крестьяне рассказывали, что, несмотря на бомбардировки, им удавалось собирать почти шесть тонн риса с гектара. Это приблизительно в два раза выше того урожая, которого добивались в этих засухивших районах ДРВ при французском колониальном господстве.

Утро во Вьетнаме начинается как-то сразу. Кажется, только что была ночь. Проходит всего несколько минут, и уже длинные стрелы утреннего света достигают дна оврагов, обрывистых горных ущелий, пробиваются сквозь дикие заросли тропических растений.

5 часов 30 минут. Это уже день. Три молоденькие девушки с корзинами и двумя соломенными чашами с землей на плече, переваливаясь из стороны в сторону, уходят по

малозаметной тропинке в джунгли. — Идут на строительство дамбы — говорит мне пожилой крестьянин Тан. — Вы ведь знаете, какое значение для Вьетнама имеют ирригационные сооружения. Дожди, тайфуны, наводнения всегда были врагами крестьян Вьетнама. И для борьбы с ними перегораживали поля перемычками.

●

Инженер с ткацкой фабрики.

●

В комсомольской школе провинции Хоабинь.

●

Экспонат городского музея Хайфона — сбитый американский самолет.

воздвигались на реках дамбы, плотины.

Теперь стало известно, что в Хатине практически восстановлены все крупнейшие ирригационные сооружения, разрушенные войной.

17-я параллель. Кажется бы, обычное условное географическое обозначение, но для Вьетнама 17-я параллель — это своеобразный рубеж, разделяющий семьи, жизнь всей страны. Поэтому во Вьетнаме 17-я параллель — боевой рубеж, который проходит через сердце каждого.

Усиливая бомбардировочные действия, агрессоры прежде всего стремились поразить прибрежную зону Виньлина, районы, прилегающие к горному хребту Чыонгшон, ирригационные сооружения, селения. Все 65 сельскохозяйственных кооперативов уезда, две государственные фермы и десять рыболовецких кооперативов подвергались ожесточенным ударам с воздуха и моря. Агрессоры практически уничтожили плотины Ланга, Бентам, Тумба. Главные двенадцать стоводных каналов, необходимых для рисовых полей, были значительно повреждены в результате бомбардировок с самолетов B-52. Более 600 гектаров рисовых полей было практически уничтожено.

Но, несмотря на бешеный огонь, американской авиации не удалось покорить людей Виньлина. Я видел, как работают в Виньлине отряды молодых крестьянских парней и девушек, названные в четвертой зоне «стальными добровольными бригадами».

Девушки, объединившиеся в группы, с помощью бамбуковых коромысел и тростниковых корзин переносили тонны камней, собранных в горах, создавали новые дороги.

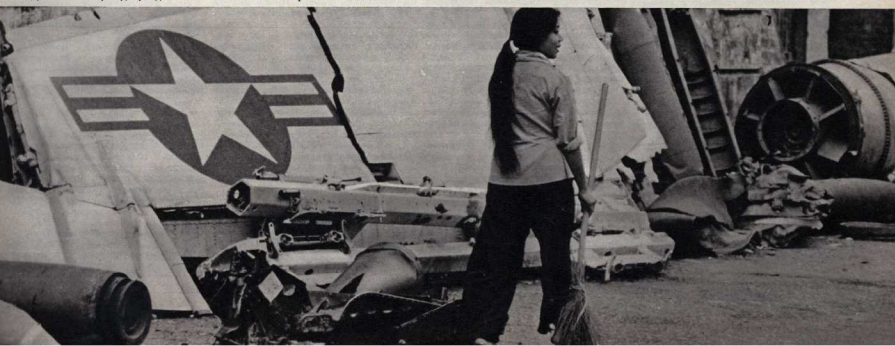
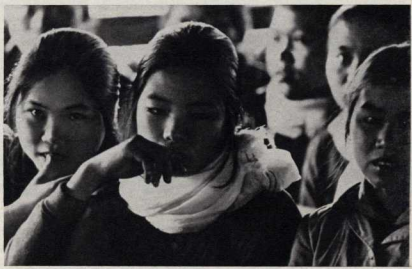
Долгие военные годы, варварские бомбардировки американской авиации

требовали от вьетнамского народа большого напряжения сил, перестройки экономической жизни страны. К 1 ноября 1968 года, когда агрессоры были вынуждены безоговорочно пойти на прекращение бомбардировок, обстрела с моря всей территории ДРВ, по данным ханойской печати, около 80 процентов городов и провинциальных центров были стерты с лица земли или сильно пострадали от воздушных налетов.

Однако огненные штормы не смогли сломить воли героического народа. 1969 год стал первым годом, когда Демократическая Республика Вьетнам добилась возможности вести нормальную хозяйственную жизнь. Поэтому, пишет ханойская газета «Нян зэн», государственный план 1969 года приобрел особенно важное значение. Он предусматривает значительное повышение промышленного и сельскохозяйственного производства, улучшение работы транспорта и торговли, повышение жизненного уровня народа. И с этими задачами справились люди демократического Вьетнама.

Существовая вооруженную интервенцию против вьетнамского народа, империалистические силы США предприняли попытку разбить один из социалистических форпостов в Азии, испытать прочность солидарности социалистических стран и всех антиимпериалистических сил.

Но агрессия потеряла крах. Героическая борьба вьетнамского народа с силой воеводо с решительной и эффективной военной и экономической помощью СССР и других стран социализма, широким международным движением солидарности с Вьетнамом. И это стало залогом успехов героического народа и банкротства агрессивной политики США.

Недавно автору этих строк довелось встретиться с тремя морскими пехотинцами, дезертировавшими из действующей во Вьетнаме американской армии в знак протеста против агрессии США. Их рассказы о пережитом и увиденном легли в основу этой новеллы.

К вечеру поспежало. Упругий ветер дул с моря, раскапывая на прибрежном песке зеленые пенящиеся волны. Было почти темно: черные, тяжелые тучи шли низко, закрыв все небо, лишь у самого горизонта слабо светилась голубая полоска и рубиново плавился о край заходящего солнца равный бою облака.

Джо сидел на камне, подставив ветру лицо, и смотрел на волны. Временами он открывал глаза и откидывал голову: соленые брызги падали на губы, и он, улыбаясь, слизывал их языком.

«Боже мой, боже мой, ну жели все это кончиться? Ветер! Джо позвонил и вылезал в гору, оставляя на морском песке глубокие рубчатые следы солдатских ботинок...»

— *Сегодня ничего. Зайдите через неделю, может быть, вам повезет.* — На розовом лице агента застыла соблазнительная гримаса.

Джо вышел на улицу: *божьё все еще ливет, косые, тонкие струи с трех сторон доходят до тротуара. Он медленно бред через улицу, мысленно представляя себе, как вернется домой. Жена откроет дверь, ничего не скажет, только посмотрит на него и сразу все поймет.*

Она поставит перед ним тарелку супа и будет смотреть, как он жадно ест. Потом подойдет к нему, положит руку на голову и тихо скажет:

— Пустяки, Джо. Ты не расстраивайся. Все будет хорошо.

— Да, ты права, Кит. Все будет хорошо...»

В баре было пусто. Артур стоял за стойкой, пересчитывая выручку.

— А, это опять ты, Джо. Привет!

— Да, это опять я, Артур. Налей мне виски.

— Может, не надо, Джо? Что скажет Кит?

— Кит ничего не скажет. Она все поймет...»

— Откуда у тебя деньги? Наверное, последние? Ладно, я угощаю.

— Спасибо, Артур, ты настоящий друг...»

— Не стой, Джо. Тебе опять сказали зайти через неделю! Ну да, конечно, что еще они могут сказать. Зря ты влезался тогда в эту дурацкую забастовку. Работал бы теперь, как и другие...»

— Я думал об этом, Артур. Наверное, мне стоит уехать. Кит поживет у матери, пока я поживу себе что-нибудь...»

— Никогда ты не поедешь. Джо. Таких, как ты, хватает везде...»

— Это ты, Джо? — Часовой у входа в магазин направил на него луч фонарика.

— Я, Гарри.

— Давай скорее. Все уже в сборе. Капрал, наверное, спихует, что тебя нет.

— Пусть спихует. Мне плевать. Через два дня я буду дома. Пошла: дома!!!

— Стаянчик ты, Джо...

Он увидел капрала мадали: высокая фигура чернела в желтом прямоугольнике распахнутой двери казармы.

— Рядовой Кейтон! Вы опоздали на шесть минут. В чем дело? — прогнусавил капрал, не вынимая изо рта сигареты.

— Да, сэр, — с трудом выдала он из себя, чувствуя, как алоба подымается к горлу.

— В чем дело, я спрашиваю?

— Я пропалась с морем, сэр. Одним прижком капрал перемахнул через три ступени, чуть не сбив Джо с ног, и закричал:

— Пропалась с морем? Может быть, не с морем, а с бушующим, ооо! Если ты думаешь, что твою службу во Вьетнаме закончили, ты ошибаешься!

Капрал тяжело дышал. Только сейчас Джо увидел, как сильно он пьян.

— Лейтенант Стенник приказал мне сменить сегодня ночью патруль за нашим лагерем. Пойдешь ты, да, именно ты!

Похлобав до дому, Джо машинально екнул глаза — на платом этаже горело одно-единственное окошко: Кит не спала. Джо остановился в нерешительности у подъезда. В голове шумело. Джо тяжело шагнула через порог.

— Ты, Джо!

— Я, Кит.

Она лежала под одеялом, прижавшись к стене. Джо осторожно присел на край кровати.

— Кит! — тихо позвал он.

— Ты опять пьян?

— Нежною... С Артуром. Совсем немного, Кит.

Джо взял ее за ладно и почувствовала, как легкая брже поблжала по руке: Кит беззвучно плакала.

— Что с тобой, Кит? — растерянно спросил Джо. — Что-нибудь случилось?

— Вот, посмотрь. — Она протянула ему скомканный листок.

Это была призывная карточка.

Луна стояла высоко. В ее ярком свете деревья казались мертвыми, вырезанными из черной бумаги. Джо шел вперед, раздвигая ветви руками. Временами все трое останавливались, прислушиваясь к ночи. Было тихо, только где-то вдали, в чаще, вскрикивали птицы. Скоро заросли кончили, и вперед, на высокий холмик, показались силуэты двух одиноких палом.

— Поистина, Джим! — прошептал Джо, обернувшись к высокому негру, идущему за его спиной.

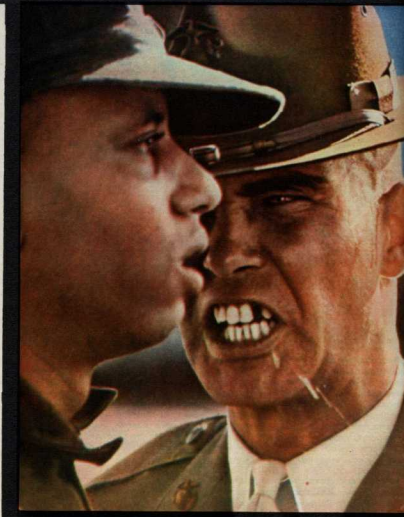
Джим грядяла магнута фонариком. И тут же у двух нахлы на мгновиение вспыхнул и погас луч.

— Все в порядке! Джим, Том, — за мной! — Джо махнул рукой, и они, прыгнув головами, быстро перебежали через поле и плюхнулись в окоп, где их ждали.

— Пока все спокойно. Если что

Миссия 48

Вьетнаме

«Пойдешь ты, да, именно ты!»

заметите, дайте сигнал — красную ракету! Пока!

Трое перемалывали за бруствер и встали в темноте.

— Поройко! Четыре часа тоски — и мы опять дома. — Джим сел на дно окопчика, поставил винтовку между колен.

— Не шуми, Джим! — Джо пристально вглядывался в контуры джунглей, черевыхая за краем поля.

— Не дрейфай. Луна — наш самый добрый союзник, не то, что эти косые сайгонцы. — Он презрительно сплюнул. — А все-таки கட этот капрал. Мог бы и не послать тебя сегодня. Ясно, мстит за старое...

И все равно тебе повезло, Джо. А мне еще торчать здесь долго...

Он не договорил. У окошка лес выдуг громко охнула, вспыхнула лампа.

— Ракету! — крикнул Джо и не услышал собственного голоса.

Ночь озарила осветленным светом, луна соприкасалась с небом и со страшной силой ударила его в грудь...

Ударило пахло гарью — пылали

склады горючего, лагерные постройки. Только что прибывшая на вертолетах спасательная команда пыталась погасить огонь. Весь лагерь после ночной атаки пагубно напомнил развороченный мурейник. Лейтенант Стенник стоял у залетной площадки, командуя отравкой тяжелораненых.

— Скорей, скорей! — Капрал метался по площадке, торопя санитаров. Наконец повелел последние носилки. Стенник машинально глянул на раненого.

— Кейтон? — Джо не ответил.

— Капрал!

— Да, сэр!

— Вот что. Дайте мне точные данные о потере и список отличившихся. И обязательно включите в него Кейтона. Его надо представить к награде: жадный пария, последний свой день едал и — такое. Черт вас дернул послать именно его!

— Он не стоит награды, сэр!

Капрал вылез из кармана сложенный влос конверт и протянул лейтенанту:

«...а потом заставили целый день ползать в болотной жиже...»

— Прочтите, сэр.

Стеннис быстро вынул из конверта несколько листов и вглядел в них глазами.

«Дорогой Артур!

Если бы ты знал, как я счастлива в эти минуты. Сегодня мне объявили, что через месяц кончается срок моей службы и я смогу увидеть Кэт, маму и тебя, дружище. Мне даже не верится, что этот ад кода-набуфа кончится и я снова стану человеком. Да, именно человеком, Артур. Порой мне кажется, что на мне не форма морского пехотинца, а звериная шкура — столько ужасного увидела я здесь. И все это сделано нами, американцами. Недавно я участвовал в «операции по прочесыванию». Мы вошли в деревню без выстрела: операция держалась в секрете, но Вьетконг, конечно, знал о ней, — мы никого там не нашли. Лейтенант был взбешен. Он наставлял нас ослами и болванами и приказал достать выстрелковцев хоть из-под земли. Мы обыскали всю деревушку, пока не нашли в яме под грубой рисовой соломой

прятавшихся жителей: их было немного, человек пятнадцать, в основном старики и дети. Их схватили к одной из хижин и начали допрос. Допрашивал капрал с переводчиком. Поочередно у каждого он выматывал, где Вьетконг. Никто не ответил ни слова. Тогда капрал вытащил из толпы парнишку и заорал, что если сейчас же они не скажут, где скрываются партизаны, то мальчишку расстреляют.

Вьетнамцы молчали. Капрал поднял пистолет и стал целиться в парнишку. И вдруг раздался страшный крик. Я даже не понял сразу, что произошло, — так быстро одна из девочек, наверно, это была сестра мальчишки, метнулась под ноги капралу и сбила его. Но подняться она не успела: капрал лежа выстрелил ей в живот. Мальчишка бросился бежать. «Боом!» — выстрелил лейтенант. Застрочили автоматы. Через несколько минут все было кончено. Лейтенант приказал снести все трупы в хижину и поджечь ее. Я нес эту дурьшку. Она была не тяжелее автоматного диска, Артур. Я испачкал руки в ее крови. Мне

кажется, что я до сих пор не смыла ее. Нет, ты не подумай. Артур, я не стреляла, но все это видела, и в этом участвовала... Лейтенант сообщил потом в штаб, что мы уничтожили 15 вьетконговцев, и нам дали день отгула. Понимаешь, Артур, день отгула за убийство! Там, в Калифорнии, офицеры нам говорили, что мы будем защищать во Вьетнаме свободу, защищать вьетнамцев от коммунистических партизан. Но за эти несколько месяцев, что я не сижу в тылу, а воюю, наша рота не встретила ни одного партизана — мы убиваем мирных жителей. Артур! Капрал хохотал, что самонадеянно застрелил двадцать вьетконговцев! Но ведь я знаю, что это были простые крестьяне! Однажды я сказала ему об этом. Он пожаловался лейтенанту, и меня по его приказу посадили под арест, а потом заставили целый день ползать в болотной жиже, «отрабатывать методы маскировки».

Завтра нас отправляют в специальный лагерь на перегруппировку, а через несколько дней снова бросят на «операцию по прочесыва-

нию». Ты понимаешь, что это значит? Не знаю, но мне кажется, я не выдержу и начну стрелять в своих.

До свидания, дружище. Получишь письмо, позвони маме и Кэт, передай от меня привет. (Письмо их я отправил два дня назад.) Только не проговоришь, когда я должен приехать, пусть это будет для них сюрпризом. Ну, вот и все пока.

Крепко жму руку,

Тобь Д. Клейтон.

Р. С. Прости меня, но это письмо я переслала через этих мерзавцев — капрала и лейтенанта. Сегодня вечером они летят на два дня в Фрибай. Оттуда письмо добьется скорее, чем из Джунглей, где мы торчим сейчас.

Д. К.

Лейтенант молча сложил письмо, спрятав в нагрудный карман и аккуратно застегнул пуговицу.

— Об этом я позабочусь, а вы, капрал, молодец. Сегодня же подай в штаб рапорт о представлении вас к награде. — И, помолчав, добавил: — За храбрость.

Евгений ИВИН,
Юрий ШЕВЧЕНКО

Тата Докс, «карибский шакал», «Барон Суббота» — все это клички одного человека — президента Гитта Дювалье. Эти клички он получает от своего народа, судьбой которого распоряжается вот уже двенадцать лет. Двенадцать лет жестокого полицейского режима — двадцать тысяч заключенных, тысячи в концентрационных лагерях.

В их числе Генеральный секретарь Объединенной партии гаитянских коммунистов Жозеф Ронд, секретарь ЦК партии Максёубург. В последнее время часто жертв диктатора Дювалье увеличилось. Памл в бою с тонто-макутами (гаитянские гестапо) видные лидеры коммунистической партии — Доминик Салсарик, Жерар Вестранд и Жак Жанно. Гаитянские патриоты не сдаются. Растет волна народного гнева. Дювалье уже не справляется собственными силами с патриотами. На помощь ему приходят американские «зеленые береты», чтобы задушить революционную борьбу.

От имени международного рабочего комитета Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве выражали свою солидарность с героической борьбой гаитянского народа.

Одним из участников этой борьбы, член Коммунистической партии Гитта, извелем его Даниэль Край, побывав в руках тонто-макутов. Он пропал через пытку, унижение, видел смерть, но остался верен своей партии, идеалам борьбы.

Он сидит перед нами, спокойный, равно старшей молодой человек. Ему нет и тридцати, но на его лице морщины, будто он прожил полвека. Улыбка у него застывшая и в то же время расползающаяся, доверчивая. Другая зорит его «железная Аюссен». Почему они его так зовут? Во всей его фигуре совсем нет ничего железного. Небольшой рост, ширококостные плечи, тонкие, длинные пальцы мышино. Очень мало существует людей, кто знал бы его так хорошо. Тонто-макуты, гаитянское гестапо, многие дали бы, чтобы узнать, кто же он такой, «железная Аюссен». Для них он был Даниэлем Крайем.

* * *

— Однажды, — рассказывает Аюссен, — они решили выпустить меня из каземата. Тонтоны хотели сделать из меня приманку.

— Дверь гулко захлопнулась позади. Я остановился на ступеньках тюрьмы, где провед полтора ста дней, и взглянул на спящих, испрошенно спящих, худых солдаток дядского места, где за толстыми кирпичными стенами «Форт Диманш», сооруженной еще испанскими завоевателями, сидели мои товарищи.

Тех было двести пятьдесят, в них одного больше. Когда приближался новолуние, дядского места, их старых отбывали ровно столько, сколько доставлял новолуние, и вели в глубь двора к братским могилкам. Ямы копали каждый день: одну на

«два персоя», как любил выражаться начальник тюрьмы Франсуа Дельва, ва чинят персоя», на десять, двадцать, и была одна яма на пятьдесят человек. И я сам был там: могилы и все время ждал, что не сегодня-завтра займу в одной из них свое место. Но они нарду выстулались мне по распоряжению мадам Макс Одофр, шефа тонто-макутов. Тонтоны дражат при се виде. Рассказываю, она самолично расстреляла двух солдат за то, что они разговаривали с заключенными.

— Слушай, ты, заморыш! — удостова она меня коммюниста. — Я приказал выпустить тебя на свободу. Но эта свобода будет для тебя проклятием. Ты хорошо держался на допросах, но я все равно не верю, что ты не коммунист. Ты коммунист! Хотела бы я посмотреть, как ты будешь выкручиваться перед своими товарищами, доказывать им, почему тебе выпустила мадам Макс. — Она саркастически засмеялась. — Ты пришлое сюда обротив и будешь умолять меня, чтобы я послала тебе обратно в тюрьму. Здесь тебе будет лучше, чем на свободе. Иди и скажи своим коммунистам, что ты вышел из «Форт Диманш» живым! Ну, марш отсюда! До вечера я свалился по городу, опасаясь случайной встречи с кем-нибудь из товарищей. В городе, где двадцать тысяч населения, это вполне вероятно. Мне нужно было обдумать возможность свое положение. Ситуация действительно не из легких.

Возле кинотеатра «Джег» — столотворение. Огромный рекламный плакат: «Смотрите русский фильм «Летят журавли»». Две тысячи счастливых зрителей ждут места в зале и посмотрят Россию. Один парвель вылезает этой фильму перед тем, как попасть в крепость. Рассказываю, какая была схватка с тонто-макутами в кинотеатре, когда зрители аплодировали во время сеанса. Я подошел к толпе и попытался ее глазами — должен же быть у кого-нибудь билет. Билет нашелся. Я вошел в фильм, поздал кто-то заспорил с контролером, я огалянулся и только сейчас оценила хитрость мадам Макс. Это был тонто-макут в итагском костюме.

Хорошо, что я не пошел искать свой дом, чулао сердце, что спешить не надо. В эти минуты я был отрешен от всего мира, я даже не знал, где мой семья. Мне исполнилось Сюзю в последний день, когда тонтоны, подталкивая меня прикладами винтовок, повели к машине. Она смотрела на меня сухими глазами, выношенными болью и страданием. Еще после первого ареста мы сговорились с Сюзю. Она должна сменив квартиру сразу после моего ареста. Найдит ее я смогу лишь через своих товарищей. Вот образуются мальчишки, когда я появляюсь дома.

— Зал был переполнен. Тонтоны устроились за моей спиной и дышали мне в шею криком спиритным перергом. Настроение у меня окончательно испортилось, фильм смотреть уже не хотелось, да и надо было что-то предпринять. Сыщик пошелся за мной и в туалет. Я закрылся в кабинке и на туалетной бумаге написал коротенькое письмо. В нем я изложил кратко своего освобождения, просил у товарищей разрешения на встречу.

Тонто-макут ждал меня в фойе. Мы вышли из кинотеатра. Я миновал лицей Герва, католический собор, возле огромного, четырехэтажно-

го дома архиепископа, самого большого на весь город Кай, мы остановились. Я говорю «мы», потому что тонтоны смеялись за мной, как теня. Я вошел в мадамскую лестничку, где торговал всякой всячиной, от аспирина до лешенки. Мне удалось незаметно отщипнуть от пактисы пластмасса небольшой кусочек, а чтобы не вылезать полдверей, кинул мешочек.

Возле кинотеатра «Метрополь» я остановился, посмотрел фильм французского фильма и вошел в кассу. Молодежь кассирша с поведенческой фамилией ожидалась и возгорестало посмотрела на меня. Я был один в помещении и, склонившись к окошку, стал расспрашивать о содержании фильма, понтересовался стоимостью билетов. Тонтоны еще не успели войти в кассу, и незаметно приклема пластмассовую свою записку под плитку на стене. Сыщик шаркнул сюда ногами об пол. Он, конечно, не мог догадаться, что именно здесь у меня была поточная хитрость. Тенер как-нибудь убиты время. Я кинул билет и потащил за собой тонтоны в полупустой зал.

Фильм начался с выстрелом и полуобнаженными красавиц. Они недовольны с гиттерами, идеал китриной, а в сцене, забав о тонто-макутов, о мадам Макс, о камешном мешке в крепости «Форт Диманш». Мне свисала Сюзю, будто мы, забрав наших мамашек, едем в автобусе в Жерми, небольшой городишко, где родилась моя дорогая Сюзю Дювалье. Мы проехали знакомыми мне деревнями, останавливались у харчевни в деревне Дюме. Сюзю здесь никогда не была, эту деревню только я хорошо знал и эту харчевню тоже. Тут у меня была одна история...

Мы с Максью, моим товарищем, приехали в Дюме под вечер. Я вошел в харчевню, а Макслю поехала заправить машину. В небольшом трактирном помещении сидели человек двадцать крестьян. Они потягивали кислотовое вино и вели бесконечные разговоры о своей жизни. Я прошел к стойке бара и, повернувшись в зал, сказал:

— Люди, послушайте, что я хочу вам сказать. Вы говорите о своей тяжелой жизни, а сами оглаждаетесь по сторонам. Вам страшно, что вас могут ужалить тонто-макуты. Наступила пробовая тишина, на один меклану страх, другие засветились любопытством. Они не приехали, что с ними кто-то мог так громко говорить, кроме тонто-макутов.

— Неужели вам не надоеда нищета, в которой вы живете? Вы вырашиваете урожай, а помещик за бесценок забирает его у вас. Разве я неправду говорю?

— Это верно, — согласился со мной старик кровак с лицом, как поджаренное яблоко. Он провела по лицу заскорую ладонью, натруженную угодной мотыгой. — А что мы можем сделать? Так жить и наши деды и отцы. Так, видно, угодно богу!

— Так угодно богу? А почему угодно богу, чтобы ты, как скотина, работал и не мог достать вестель? Бог тут ни при чем. Во всем виноват Борн Суббота. Надо сбросить его, а вместе с ним и его тонто-макутов! Тогда наступит другая жизнь.

Вот уж действительно говорит: помни черта, и он явится. Не успел я произнести послед-

ОПОРДАТОРЫ

них слов, дверь отворилась, и они ввалились в залешню, поспешно в голубых мундирах и голубых фуражках с красными околышками. Крестьяне их еще не заметили, а мне они были хорошо видны от стойки бара. Медлить в такой ситуации — это подписывать самому себе смертный приговор. И выхватил из-за пояса пистолет.

— Поднимите руки, кричите тварь! — заорал на них.

Тонтоны мгновенно подняли руки. Крестьяне оценили его неожиданность и страха. Я заставил тонтонов-макутов упереться руками в стену и обещать жизнь и свободу.

— Тот раз я вел дегазировать так, что сами тонтоны пропали у крестьян прошения.

— Ответ пришел быстро, на бумажке только всего несколько слов: «Бульвар Жан Жак де-Сам». Я отправился на этот бульвар, откуда выходящая горка. Тонтоны неустойчиво крались за моей спиной, прижимаясь к стенам домов. В сумерках мне его было плохо видно, но пару раз он все же выдал себя, высказывая на освещение участка улицы. У небольшого преточья наклонно я увидел Максима, своего верного товарища. Он даже не взглянул в мою сторону, продолжая любоваться ярко-красными шпонами в витрине. Вдурт за моей спиной кто-то внезапно ахнул. Я обернулся: к мне во весь дух бежал Максик.

— Скорее за угол, там машина! — крикнул он на ходу.

Мне едва удалось пролезть три десятка метров, как я стал задыхаться. «Санторио» мадам Макс основательно подорвала мой слух. Максик подхватил меня подмышки и почти потащил на себе.

Наш старенький верный «Форд» ввалился в тонтоны с потугами фарам, и только Максик с его коначным зрением удавалось не сбиваться с дороги в обступившей нас мгле.

— Туто пришло! — Тонтонов-макутов хорошо обрабатывают свой хлеб. Мной лично занималась мадам Макс О'Аорф.

— ЦК принял решение: тебе придется пойти в школу. Подучишься, поучишься. Это Ленин говорил, что коммунист должен постоянно учиться. — Максик пытался мне уступить, он понимал мое состояние: вырваться из тюрьмы и перестать действовать. Такое было не для меня. Но дисциплина есть дисциплина.

— Может быть, я мог бы еще остаться? — В Как тебе не спрятаться, ты знаешь.

— А Порт-о-Пренс? — Я еще денцался за свободу надежду.

— Это — решение ЦК.

— Что с моим тонтоном? — перевел я разговор.

— Я отправил его на тот свет. Теперь у них на своем говорюва меньше. Здесь ты найдешь. Второй дом от угла, там ждет Сюзи с ребятами. Завтра я тебя уведу.

Максик укачал, а я, ошеломленный его сообщением и близким свиданием с Сюзи и мальчишками, мог сразу прийти в себя.

Мы всю ночь не сомкнули глаз. Я лежал на кровати, а Сюзи, положив мне голову на грудь, слушала раскаты о страшных тюремных днях и тех глумлах, обдувая горячим дыханием мое изранное тело.

— Эти рубцы на боках мне оставили в первые дни... — Я увидел себя снова в крепости «Форт-Диманш».

— Они трое сидели за столом: мадам Макс в красном с глубоким вырезом на груди платье, гладко зачесанная, с красивой гвоздикой в длинных черных блестящих волосах. Голубые глаза на лице мулатки — редкое сочетание. Красноту ее лица притягивал по глазам: мадам интеллигентнее к спиритному. Я впервые встретился с мадам Макс лично и ничего не нашел в ней странного. Но истеричка, когда она приказала посадить в чаш со спиритом наугу обещанию и положила спирт, была достоверной.

Улыбка у нее обязательная, и когда она улыбается, то никогда не скрывает, что ей за сорок. Рядом с ней сидела Франсезель Угмюос — первая женщина тонтонов-макутов. Это мне было хорошо знакомо еще по студенческой забастовке. Третьим был начальник «Форт-Диманш» капитан Франсуа Дельва, садист и наркоман, бывший вор и сутенер.

За моей спиной стояли два громилы в серых оттоуженных брюках и белых ослепительных рубашках с галстуками. Еще один человек находился в комнате, но он сидел в тени, и я не мог его разглядеть. Капитан Дельва сделал знак рукой, и два громилы стали играть в «пинг-понг», а они вносили мне улары кулаками, шаркая мячом, как мячи, друг к другу. Через пять минут я оголол и ослеп и, забывшись кровью, лежал у их ног без движения. Ведро воды на голову — и я снова протискал перед балками.

Капитан сделал знак рукой, и громилы поволокли меня к «прессу» — такая скамья с бруском и большими винтами. Макс бросился на скамью и стал стегать по бокам винтами. Это изобретение времен испанской инквизиции пришло к нам на Гаити вместе с испанскими заповедниками, я видел такую штуку в кинеске.

Брус сжимал мою грудь, и я слышал, как покрутываются кости. Боль остро ухляпала то в ребра, то в позвоночник, потом бросалась в голову, и я стоял, пока в глазах все не потемнело и боль исчезла. Опять валило ведро воды на голову.

— Эмануэль, ну-ка скажи этому туну.

— Ты принимаешь участие в забастовке?

— Нет, нет, черт вас возьми! — разозлился я неожиданно.

— Эмануэль, ну-ка скажи этому туну.

— Наконечник у тебя этого четвертого в тени. Его лицо показалось мне знакомым.

— Он привлек студентов к насильственному свержению власти. По-моему, это был он.

Теперь я вспоминаю этого гнусного человека. Верно, его звали Эмануэлем Калжас, он учился на юридическом и тогда уже путался с тонтонами. Но его неуверенность воздвигнула меня.

— Лжет он, лжет, я всегда был лояльным! — закричал я.

Мадам Макс встала из-за стола и с улыбкой подошла ко мне. Черт! Какая все-таки может быть великодушная улыбка у зверя!

— Нам не обязательно быть тебе. У нас есть другие средства разрешать тебе язык. Отведи тебе о «ежиках».

«Ежики» — это что-то невинное и страшное. Меня поволокли по длинному коридору

тюремью, потом спустился вниз на два десятка ступенек и открыл ржавую дверь. Сильный толчок в спину и я попал в темную камеру, выставив вперед руки. Что-то острое резаило мои руки, странная боль пронизала ладони. Сзади раздался веселый смех, и дверь со скрипом захлопнулась. Я прижал к груди ороговевшие руки и отпустил на колени. Теперь я знал, что такое «ежики», — стены вокруг всех камер были утыканы острыми бутылочным стеклом. Камера была до такой степени наполнена, что я доставал противоблокажные стены рукой. Это нуль, я был на коленях, уперевшись головой в пол, чтобы не перантиса о стекла.

К углу мои руки вступили, и я еле шевельла пальцами. Загрехая засов, дверь открылась.

— Подставляй руки, спиру! — Мне на ладони кинули горячую кукурузную кашу. Я закричал от дикой боли и бросил кашу на пол. Тюремщик смеялся и плюнула на пол, где лежала каша. Это входило в программу «ежики».

— Проголодаешься, съажешь языком, — заверил он меня.

Потом я потерял счет дням и ночам, я вообще не знал, когда наступала ночь: мои камеры и камеры находились гаубоко под землей. После «ежики» мне устроили «баню»: маленькая камера обогревалась со всех сторон, словно она находилась в гигантской печи. Горячий воздух наполнял легкие, и задымлась, дождавшись на пол, но и оттуда шел жар. Потом был «коловальня»: я дрожал, зубы мои выбивали дрожь, а холодный ветер все дул и дул в камеру через два отверстия в полу. Наступила передемясь: меня перевели в обычную камеру: во шестьдесят квадратных метров занимали двести пятьдесят человек. Ее называли «филатром» — отсюда валила на расстрел. Камера выходила во двор обкомов и здесь, у стены, расстрелявали заключенных.

— Образуемист! — спросила мадам Макс, когда мне снова привели на допрос. — Назови мне имена коммунистов. Не обязательно членов ЦК, можно рядовых.

— Я никого не знаю.

— Тогда выбирай тебя немного. — Интеллигент сорвался с меня варадом, трусом и пошел в металлическое кресло. Господа Макс садная металлической стержень с проводом и принался тыкать им в мое тело. Судороги сотрясли меня всего, и дергался, кивлялся, заклевывавший тон пронизывал мои нервы, а она смеялась и выбирала самые чувствительные места. Мне казалось, что я схожу с ума, я рычал и захлебывался собственными риданиями, перед глазами валила адская цветная карусель.

Последним испытанием была расстрел у змы на «две первых». Они оставили меня спиной к зме, выстроили десктоп тонтонов с винтовками, мадам Макс руководила расстрелом.

— Целься! — отдала она команду, и десять стволов усталились мне в грудь. Все-таки странно, даже после перенесенного, когда на тебя смотрят смерти. В последнюю секунду мне вспомнились Сюзи и мои мальчишки.

— Пац! — грянул залп, свистнула пуля, а я стоял на краю змы неподвижно.

Лишь после этого расслаивались передо мной ворота страшного застенка...

КОГДА

Род СЕРЛИНГ, США

СЖИЛИ

РАССКАЗ

ПРОСНУЛИСЯ

Две колени Объединенной Тихоокеанской змеились, прокладывая себе путь от Невадской магистрали к югу, и уподобились в безбрежные, иссушенные солнцем пространства Мохавской пустыни. И когда раз в день сверкающей, обтекаемой формы курьерский поезд «Город Сент-Луис» с громом пронесился по этим рельсам мимо торчащих изгибов вулканических утесов, мимо далеких, похожих на зубья пилы, вознесенных в небо гор, мимо затопленного и заросшей лозиком, пропитанного креозотом кустарника, его появление каждый раз казалось вторжением чего-то чуждого в этот мир и его время.

И однажды... только однажды... невозможное случилось. Стальная связь, смыкавшая поезд с землей, распалась. С грохотом извергнувшись он с порванной нитки колес и врезался в покатый песчаный бок бархана, и гул взрыва заставил содрогнуться эту тихую пустыню. Вслед за локомотивом и вагоны рухнули с насыпью, громясь друг на друга, как кошмары во сне. «Город Сент-Луис» агонизирующим железным кустарником, его погребенный раздробленными позвонками распростерся на подлунные пустыни...

Крытый грузовик с натугой карабкался по склону на границе пустыни и гор по направлению к нависшему скалистому карнизу. Мотор его стонал и задыхался в раскаленном воздухе. За грузовиком вприпрыжку следовал небольшой «седан». Выбравшись на карниз, грузовик отвернул влево и пропущил вперед легковой автомобиль, который остановился через несколько футов. Водитель грузовика дал задний ход, покуда машина не пришла к узкому ко входу в пещеру. Двое мужчин вышли из кабины грузовика и двое из «седана». У заднего борта грузовика все четверо сошлись. Они напоминали группу тихих генералов, которые собрались, чтобы проанализировать ход едва отгремевшего решительного сражения, потные, смертельно усталые, но победившие.

Только что совершенное ими и в самом деле было победой. Они провели операцию, которая требовала тонкости хронометра, помноженной на скрупулезный расчет, логику и мощь массивного нашествия. И все сработало, преодолев их самые смелые, самые оптимистические надежды. Ибо в кузове грузовика, аккуратно сложенные в тяжелые, недвижные штабеля, находилось два миллиона долларов в золотых слитках.

Высокий мужчина с тонкими чертами лица и спокойным, умным взглядом был похож на профессора из колледжа. Его звали Фаруэлл, и он был доктором физико-химических наук, специалистом по ядовитым газам.

Чистая работа, джентльмены, — сказал он с тонкой улыбкой. Следующего звали Эрбе. Он был почти одного роста с Фаруэллом, но хрупкие покатые плечи и бледное, ничем не примечательное лицо молодили его. Эрбе был экспертом в области механики и конструирования.

С ним рядом стоял Брукс. Широкоплечий и коренастый, с заметной лысиной, заразительной улыбкой и техасским акцентом, он знал о баллистике больше, чем почти любой другой из живущих на земле. Кто-то однажды заметил, что, мол, у Брукса ноги из пороха, ибо этот человек был буквально природным гением во всем, что касалось изобретения вещей и оружия.

А справа от него стоял Декраз — маленького роста, неутомимый, как ртуть, черные волосы некохорной гривы падали на слишком глубоко посаженные, темные его глаза. Декраз был экспертом по саперным работам. Он был мастером разрушения.

Два часа назад эта четверка, соединив талант, тончайший расчет времени и тонкость техники, совершила ограбление, равного которому еще не знали анналы криминалистики. Декраз разместил пять фунтовых толовых шашек, которые подорвали пути и сбросили поезд под откос. Эрбе едва ли не голыми руками собрал эти два автомобиля из частей дюжины других с тем, чтобы нельзя было установить их происхождение. Брукс из-

готовил гранаты. А Фаруэлл наполнил их ухлопленным газом. И ровно через тринадцать минут легкий пассажир поезда спал, два машиниста — тоже спали. Зато четверо быстро и тихо проникли в один из вагонов, чтобы вынести оттуда мешки со слитками золота.

Декраз первым перемахнул через борт и принялся перетаскивать сокровища поближе к заднему краю кузова.

Ну и урочью Фаруэлл, Эриксон и широко улыбаясь, когда, поднимаясь со слитков, потащил его в пещеру.

Брукс тоже взял слиток и поглядил его пальцами.

— Урожай неплох,— согласился он.— Но мы еще ничего с него не имеем.

Декраз помочался и задумчиво кинул.

— Брукс прав. Два миллиона золота, а в по-прежнему в эти грубые штаны, и в кармане у меня доллар и двадцать центов.

Фаруэлл довольно засмеялся и подмигнул им.

— Только сейчас, сеньор Декраз? Сегодня — это — Он указал на задний борт вагона. — Это кинув на воздух в пещеру. — Но завтра! Завтра, джентльмены, каждый из нас будет Крезом! Мидасом! Рокфеллером и Дженом Пирпонтон Морганом, вместе взятым! — Он нежно похлопнул рукой по золоту, лежащему у заднего борта.— Безузоризированное, джентльмены. Хотите знать, как мы достигли этого? Безузоризировано!

— Понятно естественно,— сказал Декраз. Голос его звенел, глас горелки. Он гордо ткнул себя пальцем в грудь.— Когда я взрываю полотно, то я его взрываю!

Брукс внимательно взглянул на него. Была в этом взгляде какая-то гнетущая неопределенность презрения.

— Дайте мне литуюшку, Декраз,— сказал он,— и я отолью вам медаль.

Уравновешенный Фаруэлл перевел взгляд с одного на другого. Жестом он предложил Эриксу снова выбрать. Эриксон — это — Он указал на задний борт вагона. — Они продолжали перетаскивать золото из грузовика в пещеру. Брукс мучительно жарко, и десятидюймовые кубики мертвенной тлельности оттапливали им руки.

— Ну и ну! — воскликнул Брукс, вставая в пещеру последний слиток. Он поставил его на чучу дружок, рядом с глубокой ямкой, которую они вырыли еще несколько дней назад.

— Ах ты, тьямелый, подонок! Ты тут не один такой?

Эрикс встал рядом.

— Ты как, как он, на миллион девятсот восемьдесят тысяч зелененьких? — Он повернулся к Фаруэллу. — Все получилось как раз так, как вы обещали,— полный вагон золота, поезд шло с рельс. От ухлопленного газа все отключилось.... — Он взглянул на болтающийся у носа respirator и добавил многозначительно: — Кроме нас.

Фаруэлл кинул.

— Кроме нас, мистер Эрикс. Там нам не спать нужно было, а обогащаться. — Он кинул быстрый взгляд на часы. — Ну, ладно, джентльмены, золото в пещере, что нам предстоит сделать, — это уничтожить грузовик, а легковую машину мистер Эрикс обратит в космический корабль. Он проведет через всю пещеру в ее дальний конец. Там в ряд аккуратно стояли четыре ящика со стеклянными крышками, каждый размером с гроб.

— А теперь,— шепотом сказал Фаруэлл,— *piece de resistance!* — понаблюдайте всерьез, точка зрения... высшая степень искусства!

Трое стали за его спиной в полумраке пещеры.

— Одно дело, — продолжал тихим голосом Фаруэлл, — остановить поезд на пути из Лос-Анджелеса в Порт-Нокс и украть его груз. Но совсем другое дело — умудриться остаться на свободе, чтобы тратить обретенное.

Декраз подошел к стеклянным ящикам. Он глядел на них с нескрываемым трепетом.

— Рип Ван Винки! — сказал он.— Вот мы что — Он повернулся и оставался: — Мы четкие. Рип Ван Винкль. Я не уверен, что...

Фаруэлл перебил его:

— В чем вы не уверены, мистер Декраз?

— В этой затее со мной, мистер Фаруэлл. Просто лечь в эти стеклянные гробы и уснуть. Я хочу знать, что я делаю!

Фаруэлл указал ему:

— Вы знаете, что делаете. Я объяснил вам это в чрезвычайно точных выражениях. — Он повернулся так, чтобы обратиться ко всем. — Мы четверо будем находиться в анабиотическом состоянии. Затяжной, Гы, затяжной, Гы, затяжной. А когда придет время — Он указал рукой на муку и сложенные вдоль нее слитки, — вот тогда-то наше золото и послужит нам.

Декраз отворнулся от стеклянного ящика и взглянул на Фаруэлла.

— А по-моему, каждому следует забраться сюда прямо сейчас, а дальше уже на свои стары и риски!

Брукс вытаскил большой складной нож, поблескивающий в полумраке пещеры.

— Ну по-вашему, Декраз,— Голос его был тих.— Но мы с этим не согласны. А согласны мы с тем, что все золото мы закопаем здесь и потом будем делить его так, как скажет нам Фаруэлл. До сих пор он не ошибался. Ни в чем. И поезд, и золото, и газ — все получилось. Все произошло, как он говорил. Единственно, что нам пришлось делать, — это пререшивать чехлы, мешая людей и переносить сокровища с такой легкостью, будто это не золото, а сахарная вата.

— Аминь,— сказал Эрикс.

— Ясно, аминь,— горбо сказал Декраз,— но как вот насчет этого! — Такими словами он указал пальцем одному из ящиков. — Неужели никто из нас не возражает против того, чтобы лежать здесь беспомощно, взаперти!

— Основное блюдо обеда (фр.). Здесь — самое важное, самое главное.

Рип Ван Винкль — герой романа американского писателя Вашингтона Ирвинга. Лежащий, он умиротворял так много лет, что не застал в живых никого из своих современников.

Очень медленно Брукс подошел к Декразу, по-прежнему держа нож в руке.

— Нет, мистер Декраз,— мягко сказал он.— Никто из нас не возражает.

Двое мужчин стояли лицом к лицу. Декраз первым не принял вызова и отвернулся.

— Как долго это продлится, Фаруэлл? — спросил он уже другим тоном.

— Как долго? Я точно не знаю,— мягко ответил Фаруэлл.— Могу только предполагать. Я бы сказал, что все мы просиemens в пределах одного и того же часа — не больше. Это должно случиться приблизительно через сто лет с момента этого дня.

Остаток дня ушел у них на то, чтобы сложить золото в яму и прикрыть его землей. Декраз взорвался оставшейся толстой шапкой. «Седая заноза» в пещеру, обернул космическим и еще укрался сверху большим куском брезента. А затем Фаруэлл задвинул гигантскую стальную дверь.

После этого Декраз в пещеру, где оно было замаскировано камнем так, чтобы ничем не отличалось от окружающих вход скал.

Четверо мужчин стояли в тусклом свете фонарей, расставленных по пещере, и глаза их были прикованы к четырем стеклянным ящикам, которые ждали их молчаливо и приглашающе.

По сигналу Фаруэлла каждый забрался в свой ящик, задвинул крышку и запер ее кинурти.

— Отлично, джентльмены,— сказал Фаруэлл по переговорному устройству, связывающему все четыре ящика. — Я хочу вам рассказать последовательность, что теперь произойдет. Во-первых, вы должны проверить замки герметизации, расположенные слева. Намы!

Каждый посмотрел на указанное место — оно было чуть выше уровня глаз.

— Отлично,— продолжал голос Фаруэлла.— Красная стрелка должна стоять против надписи «закрыто и запорено». Теперь пусть каждый из вас очень медленно считает до десяти. Когда закончите счет, протяните левую руку к полочке как раз над головой. Там есть маленькая зеленая кнопка. Все намы!

В трех остальных гробах произошло какое-то движение.

— Вам надо нажать эту кнопку. Когда вы это сделаете, то услышите слабый шипящий звук. Это газ начнет поступать к вам под крышку. Воздух неглубоко три раза, а на четвертый всей грудью — основательно и неслезно. Тотчас вы почувствуете неодушежденный жинный уют. Не сопротивляйтесь ему! Продолжайте равномерно дышать и старайтесь лежать как можно спокойнее. Неплохо было бы дать обратный отсчет с двадцати. Это займет ваши мысли и отвлечет от ненужных мыслей. К моменту, когда вы дойдете до восьми или до семи, вы потеряете сознание.

Снова пауза.

— Ну, ладно,— продолжал Фаруэлл.— Сначала проверьте герметизацию, джентльмены.

Трое последовали его указанию, после чего три пары глаз из-под стеклянных крышек устремили взгляд через пространство пещеры на четвертого человека.

— Теперь начинайте считать,— послышался голос Фаруэлла, — и на счете десять пусть газ.

Губы задвигались в беззвучном отсчете, а затем очень медленно в каждый стеклянный ящик полился молочная струя газа. И больше уже не было ни дыхания, ни звука. Лампы по стенам пещеры догорали, и все исчезало в темноте.

В четырех стеклянных ящиках четверо мужчин дышали глубоко и равномерно, но никак ничего ни об этой тишине, ни о том, не замечая тепла, и времени, текущего за стенами этой пещеры, в девятнадцать миль от разбитого поезда в Миссисипи.

Фаруэлл открыл глаза. Некоторое время вид у него был недоумоленный, но постепенно лицо приняло осмысленное выражение. Тело казалось ему тяжелым и вялым, и прошло некоторое время, прежде чем он смог пошевелиться. Затем он очень медленно сел и потянулся за фонариком, который лежал рядом с ним. Фаруэлл снабдил его батарейками собственной конструкции, поместив их в сварной ковш, сделанный из стали и магния. Когда он нажал на выключатель, к потолку пещеры рухнул столб света.

В ледяном свете появилось какое-то движение, отнесулись еще две крышки, и стали видны Брукс и Декраз, сидящие в своих гробах. Последний в ряду ящиков оставался закрытым.

Декраз выбрался из своего ящика, чувствуя, что ноги затекли и не повиновались ему.

— Ничего не вышло.— Голос его дрожал. Он потрогал свое лицо, зашел вверх и вниз провел ладонью по телу.— У нас нет бород,— сказал он.— Ноги даже не выросли.— Он обмякшие взглянул на Фаруэлла.— Эй! Разумник! Вы этаким с кучей мозгов, у вас на все есть ответы. Почему ничего не вышло!

— Должно быть, все-таки вышло,— ответил Фаруэлл.— Система была совершенна. Все функции тела остановились — вот почему не выросли волосы, ногти и тому подобное. Говорю вам, система сработала. Она не могла не сработать!

Декраз двинулся через темноту пещеры и начал шарахаться по стене. Гигантские рычачи, на которых он намокет наткнулся, был пополовину заделаны обломками скалы. Послышалось позвякивание жарящихся цепей, и спустя минуту стальная переборка двинулась. В образовавшую щель хлынул дневной свет, заставив всех троих заморгать глазами. Прошло не несколько мгновений, прежде чем они приваляли к свету. Тогда Декраз вышел на широкую площадку перед пещерой и посмотрел на горизонт.

— Глядите,— сказал он дрожащим голосом.— Вот оно, это четвертое шоссе. Оно не изменилось! Оно не изменилось ничуть! — Он стремительно обернулся и схватил Фаруэлла за рубашку.— Уиник-разумник! Суперно! Выходит! Вместо ста лет прошел, может быть, какой-то час — а у нас на руках преступление!

Фаруэлл откинул руку Декраз и, повернувшись, пошел в пещеру.

— Эрикс,— сказал он.— Мы забыли про Эрикс.

Трое мужчин подошли к ящику Эрикс. Фаруэлл первым увидел, что

«Сантос» — машина, работающая на износ

Среди сотен бразильских клубов самым процветающим в финансовом отношении и самым знаменитым за рубежом является «Сантос». Его лидирующее положение определяется следующими «производственными показателями»: за последние десять лет эта команда была двукратным чемпионом мира среди клубных команд, двукратным чемпионом Южной Америки, 5 раз подряд выигрывала Кубок Бразилии, 8 раз становилась чемпионом штата Сан-Паулу. Она дала пять игроков в сборную страны, дважды завоевавшую звание чемпиона мира. Один среди этих пяти — Пеле.

Статистика говорит о том, что эта отличилась машина выигрывает в среднем девять из десяти матчей, причем поражение рассматривается тренерами с улыбкой, как «необходимый урок скромности».

Крупнейшие бразильские банки с уважением относятся к «Сантосу», одному из своих наиболее солидных клиентов. Когда клуб нуждается в займе для покупки очередной «звезды», банки не колеблется, дают эти деньги. Они знают: за «Сантосом» не пропадет, они знают, что «Сантос» никогда не обанкротится, несмотря на то, что выплачивает своим игрокам самые высокие оклады в бразильском футболе.

Административный директор клуба Сиро Коста не без гордости говорит об этих окладах. Он цитирует цифры, крутя ручку калькулятора, листая громадные таблицы, сверяясь с толстыми монетарными книгами и донасил в конце концов, что за последний год среднесредний заработок футболиста в «Сантосе» составил около 3 тысяч крузейро — больше, чем получают любой бразильский министр.

Мы беседовали с Сиро Костой в его кабинете на Вила Бельмиро — так называется спортивная база клуба в городке Сан-Пауло. Вила Бельмиро представляет собой уютный стадион на тридцать тысяч зрителей, под трибунами которого размещены администрация, медицинские службы, спортивные залы и знаменитый музей, наполненный кубками, грамотами и подарками, полученными «Сантосом» в его бесчисленных ситингах по всем футбольным градам и весям нашей планеты.

Звонили в разноцветные телефоны, абакамы слушались, вваливались толпы именные «тешерес», требовались пропуски и билеты на завтра-

ний матч с «Коринтиансом». Худой человек с тонкими усиками, узнав, что я из Москвы, обронил несколько восторженных словечек в Киреле и Леннинских горах. Это был сенатор Ратнов — международные импресарио «Сантоса», заключившие на Вилу Бельмиро по дороге из Антверпена в Монтвидео. Вся жизнь Ратнова проходит в садоводстве, организации концертов, он посетил уже все «футбольные» страны мира.

В тот апрельский день Ратнов сиял. Его лицо озабоченно глядело на человека, сознающего, что он, черт побери, не даром ест свой хлеб. — «Сантос» только что блестяще сыграл на международном турнире в Чили, а Ратнов имел уже в нормальном темпе весь сезон: грандиозные турниры в Европе, несколько гастролирующих вылетов в США, матчи в соседних латиноамериканских странах... Да, год начинался успешно, и Сиро Коста с Ратновым оценивали его перспективы где-то на уровне 3 миллионов крузейро валовой выручки. — После долгого ожидания, после десяти «мифических» вылетов в бутылке толпы мы дождались наконец Зито, который должен был ответить нас на тренировочный сбор, где находилась команда накануне предстоявшего на следующий день матча. Двукратный чемпион мира, работающий в «Сантосе» одним из тренеров, в мгновение ока добрался до уютной дачи, расположенной на берегу озера. Рядом, на силене холма, было сооружено миниатюрное поле, где тренировался «Сантос». Это была даже не тренировка, а легкая разминка, баловство с мячом, доставлявшее эстетическое наслаждение и самим игрокам и немногочисленным зрителям, пробиравшимся сюда, чтобы взглянуть хоть одним глазом на Пеле.

Когда спусти несколько часов я возвращался в Сан-Паулу, нагруженный интервью, автографами и пленками, у меня было такое чувство, будто я побывал в веселой компании друзей, собиравшихся на товарищеский пивный зван на студенческом вереничку.

Так начинался марфайский сезон «Сантоса» — команды, которая ежегодно проводит больше матчей, чем любая другая команда мира. Тотчас же вслед за финальным матчем чемпионата штата Сан-Паулу «Сантос» отправился в долгое и очень успешное в точки зрения бухгалтерии турне по Европе. Затем началось серия матчей в США, в стране, которая, как известно, не отмечена на футбольных картах мира даже маленьким кружком, но которая платит долларам. Потом — небольшая прогулка по Латинской Америке: встречи со всеми командами, которые поворачивались под руку. Сенатор Ратнов честно отработывал свои командировочные.

И тут началось то, чего давно уже ожидали и предвидели все футбольные специалисты Бра-

зилии: «Сантос» начал славеть. Команда, превращая лучшие клубные и сборные команды Европы и Америки, вдруг проиграла в городке Куритиба местному «Атлетико» со счетом 1:3. Потом — была бесцветная ничья с «Бангу». И еще более бесцветная победа над «Фламенго».

Через неделю «Сантос» снова приехал в Рио-Жанейро на матч с «Васко-да-Гамы». За день до игры я пришел в гостицу «Маркашаш», чтобы побеседовать с тренером Антонио.

Нет, на сей раз атмосфера в команде уже не наполнилась всеудула вечернюю друзей! Не было шуток, не было смеха, и поздравительная песенка «Нарабене пра носе», слетая хором по случаю дня рождения вратаря, прозвучала как молитва о поминании усопшего...

— За прошедшие три месяца мы в общей сложности провели с семью только пять дней... вздохнул Антонио. — Но завтра мы будем бороться до последнего! Я брошу в бой лучший состав, и ребята докажут, что «Сантос» — это «Сантос». В конце концов зрители, которые платят деньги за билеты, нет, никакого дела до наших больных ног, не так ли? Завтра «Сантос» понамет парочку «шю».

На следующий день «Сантос» вышел на поле в боевом составе. Уже и двадцатой минуте счет был 0:0, в пользу «Васко-да-Гамы». И был бы больше, если бы не мастерство вратаря «Сантоса» Клуэдо.

Впрочем, решив, что грозный противник сломен, «сантосцы» утратили бдительность, и вскоре два ювелирных паса «норлы» позволили Тонино сравнять счет. Страсти накалялись, игра стала нервной и резкой, а в начале второго тайма Пеле был выгнан с поля за удар по ногам противника. Налуживший собственной скромности, судья удалил для очистки совести и защитника «Васко» левашего на земле после бурной атаки «норлы».

«Сантос» проиграл со счетом 2:3. «Шю», которое обещал устроить Антонио, состоялось, но не на поле, а в раздевалке, где разругались «норлы» и Тонино, разругались, как дети. Обидевшись на упрек своего напарника, Пеле сказал, что ему надо работать на других, что Тонино небогоднее, что он привык забивать голы с поля. Пеле, а сам не любит трудиться и т. д. и т. п.

С каждым днем и с каждым матчем все холоднее встречает торжества игроков в белых футболках «Сантоса». Если два года назад неудачный финт Пеле или Эду сопровождался аплодисментами похвалы, одобрения и поддержки, то сейчас команду Пеле начали осививать. Все язвительно становится комментарии спортивных обозревателей, критикующих Антонио за консерватизм, за упорную приверженность схе-

Жоэл Сладкия, возможно, самый явочющийся и намерка самый келетный из бразильских тренеров.

Продолжение. Начало см. в №№ 1—2.

случилось. Он поднял обломок стекла и установил на него. Взглянув вверх, на свод, он перевел глаза на трещину в стеклянной крышке гроба.

— Вот кто все это натворил, — тихожно сказал он. — Эта штука разбилась, и газ улетучился.

Он посмотрел на скелет в стеклянном гробу.

— Мистер Эрбе доказал мою правоту, джентльмены. Он определенно доказал ее... трагическим образом.

Трое мужчин вышли на солнечный свет.

— Теперь следующий шаг, ит — олово. Декарз был настоян... Перемоси золото в автомобиле и отвози его в первый же город, который нам встретится. Там мы либо находим подпольного скупилика, либо киими-то образом переплавляем металл. — Он обернулся к Фаруэллу. — На том и порешим, верно!

Со стр. 25.

Фаруэлл посмотрел Декарзу в глаза, потом перевел взгляд на его руки. Было в этом взгляде что-то такое, что заставило Декарза опустить руки по швам.

Почему это так, мистер Декарз, — спросил его Фаруэлл, — что жадные люди всегда самые бескрылые... нарощь лишние воображения... самые тупые! Впервые, Декарз, впервые за всю историю человечества мы взяли ступень и спустил его себе в задние карманы. Мы взяли жизнь в аренду и далеко переживем срок. Наш лирог при нас, но его предостоят еще сместь. — Его голос стал тихим и задумчивым. — Нас ждет необычное, мистер Декарз. И, несмотря на то, что вы несколько нечувствительны к необычному, оно от этого не перестает существовать. Там мир, которого мы никогда не видели. Новыхонный, с иголички мир, в который мы войдем.

Черты лица Декарза исказились.

— И с золотом, Фаруэлл, — сказал он. — С золотом на два миллиона долларов! Вот какими мы войдем в этот мир.

— Разумеется, мистер Декарз, — Разумеется! — Он не отводил взгляда от бескрайнего пространства пустыни. — Интересно, что это за мир...

Он повернулся и медленно двинулся через площадку к пещере, переживая всем своим существом этот невероятный момент; ощущение почти безмерного богатства охватывало его, когда он осознал, что они первыми из всех людей победили время.

Для Фаруэлла золото вдруг потеряло значение. Он посмотрел, как те двое складывают один на другой слитки, а затем убрал с автомобиля космополитную обертку. Был напряженный момент, когда Декарз сел за руль и поворачивал зажигания. Мотор с ревом застучал, словно машина была поставлена на стоянку всего какой-нибудь час назад, — еще одно запоздалое свидетельство способности мертвого Эрбе.

Декарз выключил зажигание.

— Все готовый! — спросил он.

— Уже погулял! — посмотрел на него Фаруэлл.

Декарз кивнул.

— Машина готова. — Он отвернулся, чтобы спрятать безмерно лишний взгляд. — Может быть, мне покататься немного вперед и назад. Посмотреть, все ли в порядке! — продалов он. — Просто ты — ступень и золото. Да я бы не доверил тебе и золотую плембу из зуба твоей собственной матери! Нет, голубчик, когда мы отсюда тронемся, мы тронемся все вместе. — Он повернулся к Фаруэллу. — Где бак с водой? Его тоже нужно бы погрузить в машину.

Фаруэлл покачал — бак стоял в сотне футов.

— Вам там, где мы похоронили Эрбе, — сказал он.

Брукс кивнул и пошел по песку к металлической канистре, которая стояла возле свешеннсайной могилы.

Декарз следил за ним, сунув глаза. Осторожно и незаметно он включил зажигание и запустил двигатель.

Фаруэлл закрывал вход в пещеру, когда увидел, как автомобиль реванулся через всю площадку. В тот же миг его увидел и Брукс, и первоначальное его изумление сменилось диким испугом, когда он понял, что автомобиль, словно какое-то злобное чудовище, надвигается на него.

— Декарз! — кричал он. — Декарз! Ты упол подорож!

Декарз по-прежнему смотрел прямо перед собой через ветровое стекло. Он видел, как Брукс в отчаянном прыжке метнулся в сторону, но было уже слишком поздно. Он услышал глухой удар — это металл бил, сминал и разрывал человеческое тело. И точно раздался вопль раздавленного. Декарз не снял ноги с акселератора, прогнал машину вперед, затем оглянулся и увидел Брукса — тот лицом вниз лежал на песке в ста футах поднож машины. Он убрал газ и нажал на тормоз.

Ничего не произошло. У Декарза перехватило горло, когда он увидел, что край площадки перед ним всего в каких-нибудь нескольких метрах. Он снова резко нажал на педаль тормоза и в отчаянии свалился за руля рукой ручного. Слишком поздно. Автомобиль был пригнорен, и оставался еще секунды до его падения в пропасть, когда Декарзу удалось открыть дверцу и выброститься из машины. От толчка у него захватило дыхание, а рот заблюло хрустящим песком. И в тот же миг он услышал, как в нескольких сотнях футов от автомобиля расщелился о скалы.

Декарз поднялся на ноги и подошел к краю площадки, глядя вниз на машину, которая теперь походила на игрушку, разломанную ребенком в приступе гнева. Он оглянулся на Фаруэлла, стоявшего над исковерканным телом Брукса. Глаза их встретились, и Фаруэлл подошел к нему.

— Декарз. Декарз, что это, во имя господи! — Фаруэлл взглянул вниз на автомобиль, лежащий на боку, потом перевел глаза на мертвец! — Зачем! — пропсал он! — Ответьте, зачем!

Декарз напряженно смотрел Фаруэллу в лицо.

— Брукс нечаянно попал под машину! Несчастный случай... разве вы не замечали?

— Почему не припомните несчастный случай? Зачем вы это сделали! Декарз небрежно кивнул в сторону автомобиля.

— Этого я не хотел. Мне нужно было, чтобы мертвым был Брукс, а не автомобиль.

Он улыбнулся, уголки его тонкого рта поднялись, и Фаруэлл снова бросился в глаза, какое злобное у него лицо.

Фаруэлл демонстративно отвернулся и направился к пещере.

— Я продолжю недооценивать вас, Декарз, — проговорил он на ходу.

— Фаруэлл! — закричал Декарз. — Мы теперь все будем делать, как я скажу, верно? Соберем все, что сможем уложить в два рюкзака, и отправимся пешком!

— В данный момент я не вижу альтернативы, — сказал Фаруэлл.

Двое мужчин уже несколько часов двигались по песчаным откосам вниз, к шоссе. Они брели молча; у каждого за спиной был рюкзак, полный золотых слитков; каждый ощущал жар, идущий от них со стороны. Вскоре после полудня они вышли на шоссе номер 51. Оно пересекло плоское сухое пространство озера Айвенга, уходя на восток и на запад. Фаруэлл и Декарз сделали короткий привал на обочине, после чего Фаруэлл махнул рукой к востоку.

Чем дальше отступались Фаруэлл вытнул руку вперед и, едва держась на ногах, остановился. Лицо его превратилось в красную маску боли и мертвящей усталости.

— Погодите, Декарз, — выговорил он, тяжело дыша. — Я должен отдохнуть...

— Не дела, Фаруэлл! — осерделился Декарз с загадочной улыбкой. Фаруэлл, не в силах говорить, только мотнул головой; глаза его остекленели от перенапряжения.

— По карте... по карте до следующего горного двадцать восемь миль. При такой скорости мы доберемся туда не раньше, чем завтра к вечеру! — Декарз все улыбался.

— При такой скорости нам, возможно, вообще туда не добраться. Фаруэлл взглянул вдоль бесконечной ленты шоссе, и глаза его сузились.

— Ни одного автомобиля, — задумчиво промолвил он. — Ни одного! Глаза Фаруэлла медленно скользили по горным вершинам, и в голоса посыпались нотки зрелождожащего страха. — Я не подумал об этом... Мне даже это я голову не пришло. Что, если...

— Если что? — резко спросил Декарз.

Фаруэлл посмотрел на него.

— Что произошло за эти последние сто лет, Декарз? Что, если была война? Что, если была сброшена бомба? Что, если это шоссе вездь я...

Он не закончил. Он просто опустил на песчаную обочину и снул с плеч рюкзаки, качая головой из стороны в сторону, словно хотел стряхнуть так или иначе жар, солнце и отчаянную усталость.

— Прекратите это, Фаруэлл! — придушено сказал Декарз. — Прекратите, я вам говорю!

Фаруэлл взглянул в грязное, потное лицо этого человека, который был близок к истерике, и покачал головой.

— Вы испуганный маленький человек, верно, Декарз? Вы всегда были испуганным маленьким человеком. Но меня не страх ваш беспокот. Ваша жадность. Из-за своей жадности вы не способны ценить иронию. Совершенно не способны. А разве не было бы самой смешной шуткой тащитьсся, пока не полнет солнце, ко всем этим золотом!

Декарз подошел к рюкзаку и завязал его на плечо. Затем нагнулся, поднял свое флагу, отвинтил крышечку и, булькая, надолго принал к ней так, что ручейки воды полились у него по подбородку. Не отрываясь от этой благодати, он сосал глаза на Фаруэлла и улыбнулся.

Фаруэлл опустил было руку к поясу и теперь смотрел вниз, на цепочку, на конце которой не было ничего. Он поднял глаза. Голос его дрогнул.

— Я потерял флагу, — сказал он. — Должно быть, оставил ее там, в дюнах, во время последнего привала. У меня совсем нет воды!

— Декарз, еще раз внимательно взгляните на спину рюкзака.

— Это трагично, мистер Фаруэлл, — сказал он, не переставая улыбаться. — Это самая печальная история, которую мне привелось услышать за все день.

Фаруэлл облизнул губы.

— Мне нужна вода, Декарз. Мне отчаянно нужна вода.

Лицо Декарза приняло выражение преувеличенной озобоченности.

— Вода, мистер Фаруэлл! — Он оглянулся вокруг, как плохой актер. — Ну, что я, убежден, что здесь где-то есть вода, которую вы могли бы пить? Или, может быть, вы могли бы дать мне свою собственную, с озобоченностью, переходящей уже в фарс. — О, да, ведь вот вода, мистер Фаруэлл! — Связь трещинчатой из жары водопровод он взглянул на иссушенное лицо своего пожилого попутчика. — Раз нитесь — слиток золота. Такова цена.

— Вы вошли в ума, — сказал Фаруэлл внезапно ослепшим голосом. — Вы совсем не платите!

— Раз нитесь — один слиток золота. — Улыбка слетела с губ Декарза. Таковы были его принципы.

Фаруэлл пристально посмотрел на Декарза, а затем медленно потянул к своему рюкзаку и вынул из него слиток. Он швырнул его на дорогу.

— А вы, оказывается, удивительно предприимчивый человек, — сказал он.

Декарз пожал плечами, отвинтил с флаги колпачок и протянул ее Фаруэллу.

Фаруэлл начал пить, но после нескольких глотков Декарз потянул флагу обратно.

— Раз нитесь — один слиток золота, — сказал он. — Такова цена на сегодня, мистер Фаруэлл. Завтра она может подняться.

В четыре после полудня Фаруэлл почувствовал, что больше не может дышать.

Декраз, который шел в нескольких метрах впереди, обернулся и подал ему улыбку.

— Что случилось, Фаруэлл?— осведомился Декраз.— Уме дышать? Уме дышать? Черт возьми, да, ууме дышать еще четыре или пять часов ходьбы до тынчюк.

— Стойте!— проговорил Фаруэлл заплетающимся голосом.— Я должен остановиться... Мне нужна вода, Декраз... Мне обязательно нужно попить... Он стал расхаживать, глядя глубоко завалившимися глазами.

— Ты слышишь, как широко улыбаюсь. Ситуация достигае той тонки, когда золото, в общем, ничего для него уже не значило. Главным было преимущество. Положение лидера и подчиненного, диктуемое теперь не устойчивым превосходством, а чьим-то разголом было простым. Он стал ладить с мыслью обмена атомной этого человека.

— У меня осталось еще с четверть фляги, Фаруэлл,— сказал он. Поднял флягу, он встряхнул ее, потом отпил несколько глотков.— От, хорош!— сказал он, и вода сочилась у него из носика рта.— Ох, как здорово! Фаруэлл протянул трясущуюся руку.

— Ты слышишь, как широко улыбаюсь. Ситуация достигае той тонки, когда золото, в общем, ничего для него уже не значило. Главным было преимущество. Положение лидера и подчиненного, диктуемое теперь не устойчивым превосходством, а чьим-то разголом было простым. Он стал ладить с мыслью обмена атомной этого человека.

— Прощу вас, помогите мне... Декраз демонстрировал подтаял флягу.

— Фаруэлл заперл за один глоток— два слитка.

У Фаруэлла подогнулись ноги, и он рухнул на колени. Медленно, с болью сияя он с шевкан и невыносимым усилием выбросил из него два золотых слитка. Осталось четыре. Он был не состоянии поднять оба сразу одной рукой, и кончил тем, что стал толкать их по песку тоу, другому. Декраз лежал подтаял ии в положении в свой рюкзак. Под тяжестью слитков рюкзак треснул, но Декраз это не озобоило. Он перевел взгляд на лицо Фаруэлла. В глубине этих уставших глаз он увидел ненависть, и, странное дело, это ему похлысло.

Ночь они проспали, а в сеа утру снова тронулись в путь. Выносливость Декрза не изменилась ничуть, и он сознательно взял темп, слишком быстрый для Фаруэлла, который шаткой походкой, спотыкаясь, бред за ним. Декраз останавливался и с умышленной медленнотой выставлял напоказ утомление, пока Фаруэлл не догонял его. Тогда он заминая колчанос и спешил вперед.

Фаруэлл стал думать о прижизнен— мертвые, потерявшие бласк глаза на гризном, заросшем песком лице, губы и кожа потрескавшаяся, словно древний пергамент.

В полдень солнце огромным куском огня пламенело над горой. Фаруэлл отстал и устал на колени. Декраз подалаи было его, но вскоре понял, что на этот раз старину не подтянутся. Он подошел к нему и толкнул ногой.

— Фаруэлл!— окликнул он своего попутчика. Возника пауза. Фаруэлл вытаращился.— Пождете, пождете, Фаруэлл! Нам нужно одолеть еще несколько миль.

Лежащий на земле издал протяжный стон. Он приподнял голову, глаза его были закрыты, рот разверст, распухший язык вывалился на сторону.

— Тот, кто не способен выжить, не способен жить жонтового.— Нет,— снова сказал он.— Я дальше не могу. Мне нужна вода.

Декраз довольно ухмыльнулся и протянул ему флягу.

— Один глоток, мистер Фаруэлл. Один глоток.

Рука у Фаруэлла трясилась, когда он сватала флягу и поднес ее ко рту. Ему казалось, как вода плещется внутри, и все его инстинкты, все его желания, абсолютное условие его дальнейшего существования сосредоточились в одном движении—поднести флягу к губам. Рука Декрза опустилаа твердо и быстро, отвела флягу в сторону. Горькоше во черную по большым губам Фаруэлла, и на губах выступила кровь. Не веря себе, он подтаял глаза.

— Мы не заключили контракта, мистер Фаруэлл,— сказал Декраз. Глаза у него были, как два темных булавочных остря.— Цена сегодня снова подскочила.

Тогда Фаруэлла были почти закрыты, когда он с трудом сияя с плеч рюкзак и бесильно уронил его наземь. Потом подтолкнул его к Декрзу ногой.

Декраз распылся в двоявой улыбке и опустился на колени, чтобы подтаял его. Тем временем его собственный рюкзак остался на дороге, и он сел на слитки золота, которые он утащил к себе подтаял слиток. Фаруэллу, Декраз прирвался вытаскивать золото. Фаруэлл смотрел на него, поражаемо тому, как он мог в эту минуту испытывать ненависть, испытывать злость этого же, кроме собственного страдания. Но ненависть пробудила в нем ощущение того, что это его последний момент, его последняя возможность.

Он посмотрел на широкую спину Декрза, ненавидя его молодость, ненавидя эти мускулы, что бугрились под рубашкой, ненавидя сам факт, что Декраз должен был выйти победителем из всего этого в те время, как он будет побежден утомлением.

Он почувствовал, как в нем зреет гнев, и на короткий момент этот гнев придад ему сил и решительности. Его пальцы сомкнулись на золотом слитке, и он медленно оторвал его от земли. Затем, подвываясь на ноги, ненавидя уже как образ, он утащил к себе подтаял слиток. Он обринулся на Декрза снова как раз в момент, когда тот взглянул на него. Фаруэлл вырвал слиток из рук. Слиток упал и ударил Декрза в висок. Декраз коротко вздохнул и опрокинулся назавинь. Глаза на золотом слитке, лице распылся. В них застыло последнее, что испытал этот человек, умирающий утомлением утомлением.

Фаруэлл почувствовал, как к нему возвращается слабость. Он стал пошатываться, ноги его подгибались, будто размягчье, все тело как огромные вместилище боли. Он повернулся и, спотыкаясь, подошел к фляге, медленной походкой он начал прирваться к ней.

Фаруэлл заплакал, слезы текли по его гризному, небритому лицу. Он упал на колени, плечу у него трясилась, пальцы бережно трогали пустыю

флягу, словно он надеялся выдотить из нее хоть какое-то количество жидкости.

Некоторые время спустя он поднялся на ноги, взглянул на разбросанные вокруг него золотые слитки и покачал головой. Бессмысленные куски металла, мертвый груз. Но он знал, что это все, что у него осталось. Снова он опустился на колени, он вступил в борьбу со слитками, сначала пытаясь подтаял их, потом подтолкнул по песку поближе к рюкзакам. Но сил больше не было, и лишь сверхчеловеческим напряжением ему удалось в конце концов подтаял один слиток, прижав его к телу, словно ребенок, боящийся рухнуть. Этот слиток он понос по шоссе— шаткая, сползающаяся теле человека, бредущего только по инерции. Ни в горле, ни в рту у него не осталось больше влаги, и каждый его вздох, словно горячий прот брели, пронизывала его тело. Но он шал и шел так почти до самого вечера.

Потом он потерял сознание, падая вперед, одной стороной лица ударился об обломок скалы. Он просто лежал, закрыл глаза, ощущая, как сонное умиротворение обволакивает его. Затем с огромным трудом заставил себя открыть глаза, потому что услышал звук. Сначала это было далекое, неразличимое плесне, которое постепенно становилось ближе и близкого мотора. Фаруэлл хотел было шевельнуть руками и ногами, но они не повиновались ему. Жизнь теплилась только в глазах. Он попытался повернуть голову, но двигались лишь зрачки, и утомлом глазом ему видно было, как приближается автомобиль— наземный металлический мул, который с пронзительным визгом маллся к нему и вдруг замедлил ход, резко оборвав звук мотора.

Он услышал чью-то шаги через шоссе и взглянул. Это был высокий мужчина в каком-то просторном костюме, но фигура его расплывалась. Фаруэлл никак не мог заставить двигаться распухший свой язык и потрескавшиеся губы. Ужас охватил его, когда он понял, что не может произнести ни единого слова. Но вслед за тем откуда-то из глубины его существа раздался голос. Звук его был похож на тот, который издавал пластина, замедляющая вращение. Слова были гротескными и почти бесформенными, но все-таки они звучали.

— Мистер... мистер... я отдаю у меня золото. Настоящее золото... Ответьте мне в гордо, и я отдам его вам... И если вы дадите мне воды. Мне обязательно нужна вода!— Он с напряжением дунул руку по песку так, чтобы она указывала на то место, где в нескольких футах от него валялся последний слиток.— Золото, золото, золото заучал звук.— Это настоящее золото... И оно должно быть вашим. Я отдаю его вам. Я отдаю его вам... Пальцы его конуцили сильно, и внезапно рука распылся. Он непроизвольно дернулся, и потом все застыло.

Человек опустился на колени и прислушался к биению сердца Фаруэлла. Подвываясь, он покачал головой.

— Бедный старикан,— сказал он.— Хотел бы я знать, откуда он здесь взялся.

Женщина в автомобиле поднялась с сиденья, чтобы взглянуть, что происходит.

— Кто-то... Джорджи!— спросила она.— Что с ним?

— Мужчина вернулся к автомобилю и сел за руль.

— Какой-то старый бродяга,— сказал он,— вот кем он был. Он мертв.

Женщина посмотрела на слиток золота в руке мужа.

— Золото. Он так сказал. Хотел дать мне его за то, чтобы я отвез его в гордо.

— Золото?— женщина наморщила носик.— Что же это он делал с золотом?

— Не знаю,— пожал плечам мужчина.— Не в себе был, должно быть. Если кто-то тащится по пустыне пешком в тот час— уж точно не в себе!— Покачал головой, он подтаял слиток.— Можете себе представить? Предлагаю мне его, как будто оно чего-то стоит.

— Ну оно же стоило когда-то, верно ведь! Разве люди не использовали его как деньги?

Мужчина отворил дверцу.

— Ну да, лет сто назад или около того, пока не научились делать его искусственно.— Он взглянул на кусок жонтового, тусилого металла в своей руке, и с сожалением взглянул на обломок и ввертел золото.— Когда привез в гордо, нужно сообщить в полицию, чтобы они вернулись сюда и подобрали старика.

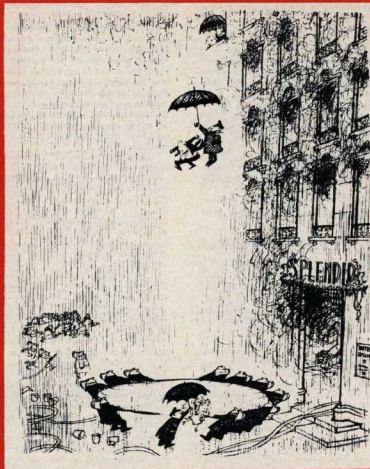
Он нажал кнопку на приборной доске, включил автоводитель, затем взглянул через плечо на тело Фаруэлла, который лежал на песке, наминая сваленное ветром пугало.

— Бедный старикан,— задумчиво сказал он, когда автомобиль медленно тронулся с места вперед.— Хотел бы я знать, откуда он.

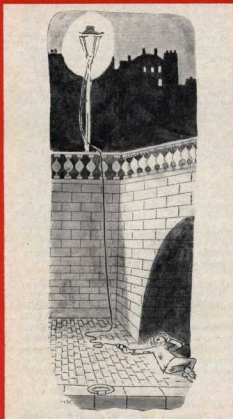
Женщина нажала еще на какую-то кнопку, и стеклянная крышка надвинулась, отразив их от жары. Автомобиль помчался по шоссе и мгновенно спуска исчез.

Через пятнадцать минут прибыл полицейский вертолет, покружил над местом, где лежал Фаруэлл, и сел. Двое в мундирах подошли к телу, осторожно уложили его на носилки и поместили в вертолет. Начальник патруля записал в небольшом блокноте все необходимые данные: «Неопознанный мужчина. В возрасте приблизительно шестидесяти лет. Смерть от солоненого удара и истощения». Три едва начерченных строчки в блокноте подвываясь в вертолет. Золото оставил там, где оно лежало.— раскандившие пустые руки навалены на заднем сиденье разбитого старинного автомобиля. Оно скоро стало неотъемлемой частью пейзажа, заросло шалфеем, болыно, жемчужницей и вечным кутусом. Подобно Фаруэллу, Эрбе, Бруксу и Декрзу, оно не имело никакой цены. Никакой.

Перевел с английского Евгений КУБИЧЕВ.

Ф. Давыдов

Ф. Давыдов

Ф. Давыдов

А. Лавров

sempre

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 24/ХІІ 1969 г. А 00010. Подписано и печ. 15/І 1970 г. Формат бум. 70 × 109¹/₂.
Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 240. Заказ № 3564.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЗАКОН ЛЮДЕЙ

Слова Виктора ОРЛОВА
Музыка Александра ФЛЯРКОВСКОГО

В час, когда спит луна над домами,
Где-то в ночной дали
Идут друг друга в мертвом тумане
Дружные корабли.

Припев:

Ты слышишь, друг,— чем больше лютей,
Тем больше друзей вокруг.
И в этом — ты слышишь, друг,—
Самый главный закон людей.

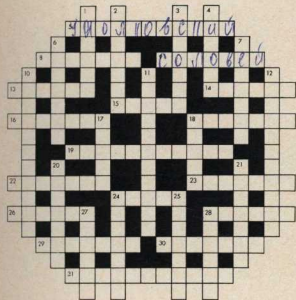
В час, когда равнодушно спится,
Сердце тревогу бьет,—
Кинут друг друга верные птицы,
Идет пилота пилот...

Припев:

Так всегда на земле нашей будет —
Где ни случись беда,—
Люди людей по тревоге разбудят,
Люди придут всегда.

Припев:

Ты слышишь, друг,— чем больше лютей,
Тем больше друзей вокруг.
И в этом — ты слышишь, друг,—
Самый главный закон людей.

КРОССВОРД

Составил В. ВАВИКИН,
с Марка Вереща
Военноской обл.

По горизонтали:

5. Основоложник теории межпланетных сообщений. 8. Город в Московской области. 9. Романс А. Албешева. 13. Рена в Вологодской области. 14. Город на Украине. 15. Спутник Сатурна. 16. Основоложник русской физиологической школы. 18. Вид художественной прозы. 19. Самая яркая звезда в созвездии Ориона. 22. Русский флотоводец, герой Севастопольской обороны. 23. Город в Иркутской области. 24. Хищная птица. 26. Высочайшая вершина односторонности. 28. Пушная зверка. 29. Плоская, оборудованная для изготовления сборных строительных конструкций и деталей. 30. Композитор, автор оперы «Джамаль». 31. Русский математик XIX века.

По вертикали:

1. Горный массив в Болгарии. 2. Сумма для ношения топографических карт. 3. Великий богатырь. 4. Национальная японская одежда. 6. Зоркая звезда созвездия. 7. Повесть, народный артист СССР. 10. Минеральное удобрение. 11. Изобретатель ранцевого парашюта. 12. Русский писатель XIX века. 17. Тринитамная глина с нагнесом. 18. Речная долина, затопляемая в половодье. 20. Герой Великой Отечественной войны, командир наземного корабля. 21. Советский зоолог, академик. 24. Сназда М. Горького. 25. Город в Узбекистане. 27. Паро атома радиоактивного изотопа водородора. 28. Советский ледокол.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2**

- По горизонтали:**
5. Боргеландер. 10. Динамик. 11. Лазурит. 12. Орион. 13. Копер. 14. Идиди. 17. Евангелист. 20. Веспан. 21. Туликов. 22. «Козлово». 23. Вьетнам. 28. Дистанция. 30. Коган. 31. Перов. 32. Хорей. 33. Морщина. 35. Норини. 36. Таджикистан.

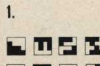
- По вертикали:**
1. Узон. 2. Интернат. 3. Изолитор. 4. Орес. 6. Симонов. 7. Царев. 8. Вроня. 9. Навальнов. 14. Дистанция. 15. Пингуин. 18. Дымов. 19. Шахта. 22. «Колонба». 24. Моховик. 25. Строний. 26. Иварски. 27. Габон. 29. «Демон». 34. Алды. 35. Рета.

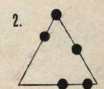
1.
Путешественник стоит у ворот неизвестного города. Как ему пройти по всем городским улицам, все время выбирая новую дорогу?

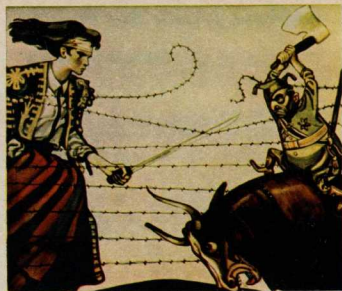
2.
На рисунке десять деталей разной формы. Все эти детали можно полностью уложить в форму кольца. Как это сделать?

**ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИ
«СМЕНЫ» № 2.**

ОРУЖИЕМ СМЕХА

Искусство, пронизанное, по словам Маяковского, «грозным смехом», обличения. Это искусство — политическая сатира и плакат. Среди современных мастеров этого боевого жанра, в советском искусстве владеющих оружием смеха, мы встречаем имена Кукрыникова и Бориса Профорова, Бориса Ефимова и Мана Эффеля, Аллы Рефремы и Герлуфа Бюнаструпа, Эрика Лининского и Амадеуса Массарола и многих других прогрессивных художников-карикатуристов земного шара. Их работы проникнуты ненавистью и агрессией, революционной и расовой дискриминации, их рисунки и плакаты призывают к бдительности, к активным действиям в защиту мира, демократии и прогресса.

Разнообразны приемы изобразительности, которые находят в арсенале современных мастеров сатиры: ловкий сарказм и неординарная гипербола, смелая фантазия и тонкая ироничность, разный смех и беспощадное обличение — все направлено против врагов человечества и мира во имя простых людей и их будущего.

Современная прогрессивная сатира — явление, несущее глубоко общественный и политический характер. Трудно представить себе издание, в котором не было бы карикатуры на злободневную тему, и потому столь широка аудитория зрителей и поклонников этого активного жанра.

Юлий ГАНФ (СССР)
«Испания борется»

Борис ПРОРОКОВ (СССР)
«Сильней свища и стали»

Збигнев МАРТИН (Польша)
«Анаконда из США»

Антон РЕФРЕЖЕ (США)
«Напад»

Стефан БЕЛЬЧУС (Польша)
«Политика открытых дверей»

